

СХИАРХИМАНДРИТ ИЛИОДОР (ГОЛОВАНИЦКИЙ) (†1879)

Схиархимандрит Илиодор много лет подвизался в иночестве в Глинской пустыни и достиг высоких духовных дарований, каковыми он сиял далеко за пределами обители.

Родиной его было село Староселье Черкасского повета (уезда) Киевской губернии. Отец его Феодор Голованицкий был священником в названном селе, а имя матери его Евдокия. В 1795 году родился у них сын, нареченный во святом крещении Иоанном (впоследствии схиархимандрит Илиодор). Годы младенчества Иоанн прожил в доме родителей, которые воспитывали его в страхе Божиим.

Отрок Иоанн Голованицкий проживал в доме своего отца 11 лет от роду и после обычной подготовки (Вероятно, подготовкой к образованию отрока Иоанна занимался его отец Феодор Голованицкий, о школах по деревням тогда еще мало помышляли) был отправлен в Киевскую академию (еще до реформы 1819 года, когда она совмещала в себе и высшие, и низшие

училищные классы). Старший брат его Иаков занимал должность учителя.

Иван Голованицкий поступил в Киевскую академию в 1806 году сентября 16-го, а уволен из академии марта 18-го 1813 года, в возрасте 18 лет, как указано в свидетельстве академического аттестата, находящегося в архиве Глинской пустыни. Следовательно, он находился в Киевской духовной академии в дореформенное время, пробыл в ней 6 лет и 6 месяцев.

В 1813 году он принят был на правах вольноопределяющихся в число юнкеров и зачислен в Нижегородское ополчение, которое было командировано за границу по следам бежавших из России французов. Туда же последовал и Иван Голованицкий. В этом походе ему пришлось много испытать, побывать во многих местах, много повидать и о многом подумать. Иван Голованицкий находился при канцелярии, так что от строевой службы был свободен, а посему имел возможность наблюдать многое, окружающее его.

По окончании войны в 1814 году некоторые войска, в том числе и Нижегородское ополчение, возвратились в Россию. Того же года 28 октября было предписано распустить Нижегородское ополчение, а 12 марта 1815 года Иван Голованицкий, как вольноопределяющийся, получил чистую отставку и аттестат, одобряющий его поведение и тщание по службе.

После некоторых размышлений Иван Голованицкий избрал Киево-Печерскую Лавру, желая поселиться в ней. Он явился к Киевскому митрополиту (В то время на Киевской митрополии был высокопреосвященный Серапион) и подал прошение о принятии его в число Лаврской братии.

Иван Голованицкий был зачислен в число братии и на послушание определен в ключню, а через несколько времени был взят в келейники к наместнику Антонию (Антоний, впоследствии преосвященный Воронежский, известный святостью своей жизни). Однако в Киевской Лавре Иоанн прожил недолго.

В то время славилась Софрониева пустынь. Незадолго перед тем почивший старец Феодосий, бывший другом и сподвижником знаменитого старца Паисия Величковского, поставил Софрониеву пустынь на высокую степень совершенства, образовав в ней строгих подвижников. Ученики Феодосия как и ученики Паисия, отличались строгим подвижничеством; особенно упражнялись в трезвении и молитве; слава о них распространялась далеко за пределы обители и Иоанн Голованицкий, еще будучи в Лавре, много слышал об этой славной пустыни. Поэтому, когда он оставил Лавру, то и направился в Софрониеву пустынь. С ним вместе согласился идти его товарищ по имени Владимир.

Оба товарища, наконец, достигли Софрониевой пустыни и были приняты в число братии настоятелем пустыни архимандритом Варлаамом (Архимандрит Варлаам, один из учеников старца Феодосия, был художественный молитвенник. Настоятельствовал с 1814 по 1840 г. с возведением в сан архимандрита и переведен в Обоянский монастырь). Иоанну было назначено послушание в трапезе и на клиросе, а товарищ его определен к общим послушаниям. Пребывание Иоанна в этой пустыни сопровождалось благодетельными последствиями.

Послушник Иоанн, во смирении души покоряя свою волю во всем следовал советам опытных старцев.

Пребывание Иоанна в Софрониевой пустыни сопровождалось благодетельными для него последствиями. Внимая наставлениям духовно-рассудительных отцов, он по возможности уразумел, что от монаха требуются не одни телесные подвиги и труды, но и внутреннее делание в вертограде сердца своего, к чему желающий преуспеть в духовной жизни должен прилежно стремиться. Но не в Софрониевой пустыни Промыслом Божиим предназначено было ему развиваться и зреть духовно; всеуправляющая десница Божия указала Иоанну иное место через посредство обстоятельств, в силу которых он вынужден был оставить Софрониеву пустынь.

Причиной послужило назначение несоответственного его характеру и душевным стремлениям послушания. Как новоназначенного и знакомого с канцелярским делом, его определили жить на хуторе. Там имелось большое количество леса, который братия обязана была ежедневно обходить кругом и оберегать от порубки, так как часто случалось воровство леса. Отсюда можно видеть, что послушание Иоанна на хуторе не могло предоставить желанного мира и спокойствия его душе. Ему нередко приходилось бывать свидетелем неприятных сцен, возмущавших покой его духа, а однажды пришлось даже спастись бегством, когда воры пустили в хор топоры и колья. Положение Иоанна было тягостным для него, и он решил оставить Софрониеву пустынь и переселиться в Глинскую, в которую в то время на должность настоятеля был вызван из Софрониевой пустыни старец иеромонах, впоследствии игумен Филарет, ученик прежде упомянутого старца архимандрита Феодосия, бывшего настоятеля Софрониевой пустыни.

В Глинской пустыни старец Филарет принял Иоанна с радостью и назначил ему послушание в хлебне и петь на клиросе. С полным усердием послушник Иоанн начал исполнять свое послушание, ревностно совершая все возложенные на него поручения.

Через два года (О времени пострига в рясофор сведений письменных нет, вероятно потому, что тогда это делалось по воле настоятеля без разрешения консистории. Из рассказов старца можно заключать, что он пострижен в рясофор в 1820 г) после поступления послушника Иоанна в Глинскую пустынь он был пострижен в рясофор старцем Филаретом и в пострижении получил имя Иоиль. По пострижении он вручен был для руководства строгому подвижнику схимонаху Пахомию (Схимонах Пахомий — из отставных кавалергардских поручиков, в миру Петр Сквородка. Поступил в Софрониеву пустынь в 1800 г. Там, в Софрониевой пустыни в 1802 г. был пострижен в мантию, а в 1803 г. отправился на Афонскую гору, где в 1805 г. в Хилендарском монастыре пострижен в схиму. В 1808 г., возвратившись в Россию, поступил в Белобережскую пустынь Орловской губернии, в 1810 г. перемещен в Черниговскую епархию в Домницкий монастырь, в 1812 г. — в Петропавловский монастырь, в

1819 г., июня 6-го определен в Глинскую пустынь). Но недолго пришлось Иоиллю быть под руководством своего любимого старца; скоро Пахомий окончил свое земное поприще, мирно почив о Господе.

После смерти старца Пахомия инок Иоиль стал обращаться за советами непосредственно к игумену Филарету, под мудрым руководством которого он усиленно трудился над своим духовным совершенствованием. Жажда духовной мудрости, он непрестанно упражнялся в чтении Божественных писаний, святоотеческих творений и других душеполезных книг, которыми и питал жаждущую свою душу.

Когда Иоиль представлен был к постригу в мантию, то в консистории возникло недоразумение относительно столь ранней чистой отставки его от военной службы. Началась по этому делу переписка с военным ведомством, длившаяся продолжительное время и не приведшая ни к какому результату; вследствие этого Иоиллю пришлось самому путешествовать в С.-Петербург. На пути он посетил г. Курск, где выхлопотал себе паспорт.

На пути дальнейшего следования Иоиля в С.-Петербург с ним случилось одно таинственное происшествие, о котором он потом рассказывал. Когда он проходил по одной из северных губерний, то ему предстояла переправа через большую реку. Моста через реку вблизи не было, а время подходило к половодью, и путь по льду уже прекратился; не дойдя еще до реки, Иоиль зашел для ночлега на постоялый двор и расположился подкрепить себя сном. Немного времени спустя после того, как он заснул, кто-то толкнул его слегка и сказал: "Странник! Время вставать! Одевайся и пойдем, я дорогу знаю и проведу тебя кратчайшим путем". "Спустя несколько времени, — рассказывал Иоиль, — я стал замечать местами по дороге некоторый неопределенный блеск; по обеим сторонам дороги также расстилались блестящие широкие полосы. "Что это за блеск я вижу?" — спросил я моего спутника. "Это вода", — сказал он. "Значит мы идем по реке?" "Да", — ответил он коротко. Наконец мы вышли на большую дорогу. Тогда проводник мой указал мне дорогу и сказал: "Иди вперед, а я последую за тобой". Я исполнил его желание. Пройдя немного, я оглянулся: проводника моего уже не было".

По окончании дела в С.-Петербурге Иоиль благополучно возвратился в Глинскую пустынь, где с новым усердием предался своим обычным иноческим подвигам. С этого времени начинается для Иоиля ряд искушений, которые попустил Господь, чтобы еще более очистить этот сосуд благодати Своей.

Отец Иоиль любил посещать Площанскую пустынь Севского уезда Орловской губернии, где проживал старец схимонах Афанасий, известный своей духовной опытностью, из числа учеников старца Паисия Величковского (В предисловии книги Паисия Величковского о нем говорится: "Схимонах Афанасий ротмистр... по фамилии Захаров"). Под руководством у него был тогда иеромонах Макарий, впоследствии старец и начальник скита Оптиной пустыни. Монах Иоиль любил посещать духовных старцев, у которых почерпал нетленное питание для утоления своей духовной жажды.

В одно из таких посещений Площанской пустыни, на обратном пути Иоиль по наваждению врага подвергся нападению злых людей, от рук которых угрожала ему смерть.

Не подозревая в них злых людей, Иоиль преспокойно отправился с ними в путь. Ночь была безлунной, но звезды ярко горели на безоблачном небе. Пройдя довольно большое расстояние пути, спутники по условному знаку выхватили ножи и бросились к Иоиллю, наступая на него с обеих сторон, намереваясь пронзить его ножами; при этом требовали денег. Иоиль в испуге в душе своей воззвал молитвенно о помощи к Святителю Чудотворцу Николаю, а злодеям мог только сказать: "У меня денег нет"; в этот момент послышался впереди человеческий голос, услышав который, злодеи отступили в сторону. Присматриваясь

вперед, Иоиль заметил партию солдат с ружьями на плечах, идущих им навстречу, которые, поровнявшись, спросили, не проходил ли впереди обоз. Иоиль ответил, что не проходил. "Знать он остался сзади, — говорили солдаты, — если встретите, скажите ему что, мол, партия прошла!" Иоиль обещал исполнить и, ограждая себя крестным знаменем, благодарил Бога и своего покровителя Святителя Николая за скорую помощь. Так он добрался благополучно до постоянного двора, у ворот которого сидел дворник. Монах Иоиль спросил его, не проходил ли военный обоз, и при этом объяснил, что повстречавшаяся партия солдат просила сказать, что они прошли. Но дворник уверял, что он сидит всю ночь, но не видел, чтобы проходил обоз или солдаты. Иоиль осведомился, нет ли где дороги в стороне, но получил ответ, что в этом глухом лесу нет подобных дорог на большое расстояние. Иоиль поблагодарил Бога за избавление и остановился на постоялом дворе отдохнуть. Потребовал чего-либо поесть. Иоиль пробыл на постоялом дворе до рассвета, а утром поздно отправился в путь. Пройдя немалое расстояние, он увидел впереди себя, что на дороге, пролегающей лесом, его поджидают вчерашние спутники-злодеи. Иоиль остановился, опасаясь идти далее. Осмотревшись вокруг себя и не видя ниоткуда помощи, он начал молиться Господу, призывая на помощь своего покровителя Святителя Христова Николая. После некоторого раздумья он хотел уже воротиться назад, но в этот момент заметил двух солдат, сидевших в стороне под деревом, которые поднялись и, ограждая себя крестным знаменем, начали молиться на восток, затем подняли на плечи ружья и пошли по той дороге, по которой нужно идти Иоилю. Злодеи, увидев солдат, поспешили удалиться. Возблагодарив от всей души Господа и покровителя своего Святителя Николая, Иоиль с радостью пошел за солдатами, следуя за ними всю дорогу в нескольких шагах, пока дошли до постоянного двора. Дом во дворе состоял из двух связей, крыльцо из сеней выходило на большую дорогу. Солдаты повертели на крыльцо и пошли в дверь в сени, а Иоиль следовал за ними с той мыслью, чтобы познакомиться с ними и продолжать вместе путь безопасно. Переступив порог, он увидел в сенях хозяина-крестьянина, который, сидя, плел лапти. Иоиль спросил его: "В которую избу пошли солдаты?" — "О каких ты солдатах спрашиваешь?" — спросил хозяин. "Да вот, о тех, которые сейчас пошли в эту дверь", — ответил Иоиль. "Перекрестись", — возразил тот, — это тебе видение было: я вот здесь часа два сижу работаю и никаких солдат здесь не видал; ты что-то бредишь!". Но Иоиль не поверил, а пошел отыскивать сам, осмотрел обе избы и обошел весь двор, спрашивал всех жильцов; оказалось, что, действительно, никто не видал никаких солдат.

1823 года, марта 9-го дня (на память сорока мучеников) Иоиль облечен был в иноческий образ настоятелем Филаретом и наречен Иоанникием (При постриге в мантию его восприемником был духовник Варсонофий. Вероятно, тот, который имел большое влияние на настоятеля Филарета). После пострижения Иоанникий, по обычаю, несколько дней пробыл в церкви безвыходно. В это время он был утешен явлением ему ангела.

"Изнемогши от чрезмерного бодрствования, — рассказывал впоследствии сам Иоанникий, — сел среди церкви, склоня голову на амвоне, чтобы несколько укрепить себя сном. Я закрыл глаза, но спал или нет, того верно не знаю; вдруг я вижу, что южная дверь алтаря отворилась, и из алтаря показался прекрасный юноша, в белом стихаре, препоясанный орарем крестообразно. Подойдя ко мне, он сказал: "Иоанникий! Бодрствуй! Ты — монах, и потому непрестанно должен бодрствовать!" Сказав это, он вошел северной дверью в алтарь.

По принятии ангельского образа Иоанникий усугубил бодрствование над собой, следуя призыванию явившегося ему небожителя. Удалялся от всякой суеты, избегая даже бесед с мирскими людьми, чтобы не рассеиваться, ничего от них не принимал, а в особенности от женщин, чтобы ничто не напоминало ему о суетной жизни.

По мере усовершенствования Иоанникия в духовной жизни, усиливались искушения. Враг человеческого спасения делал неоднократные нападения на Иоанникия, чтобы смутить подвижника; устрашал его различными видениями, поставлял иногда его действиям преграды,

но сильный благодатью Божией он побеждал козни диавола. Наконец диавол воздвиг клевету, — это сильное в руках диавола оружие.

Клеветники при всяком удобном случае начали возводить различные клеветы на Иоанникия перед лицом своего настоятеля. Долго старец Филарет не верил им, но однажды, видно уже сам Господь ради душевной пользы Иоанникия попустил искушение: старец поверил одной клевете. Дело заключалось в следующем.

Один иеромонах (По имени Самуил) из числа недоброжелателей Иоанникия отлучился из монастыря без дозволения настоятеля. Когда он возвратился из отлучки, настоятель привлек его к ответственности за самовольную отлучку. Виновный, чтобы избежать ответственности за свой поступок, вздумал сложить свою вину на Иоанникия; он уверял настоятеля, что именно Иоанникий подстрекал его на тот поступок, и приводил свои лживые доказательства с такой хитростью, что настоятель поколебался и в конце концов поверил клевете. Он позвал к себе Иоанникия и, не принимая от него никаких оправданий, приказал ему немедленно удалиться из обители.

Изгоняемый неповинно монах Иоанникий с болью в сердце расстался с любимой обителью (Это случилось весной 1824 г). Получив из духовной консистории паспорт, он направился на север, имея целью достигнуть Соловецкой обители, чтобы поселиться в ней. С ним вместе путешествовал некто иеромонах Израиль, имевший ту же самую цель путешествия. По Божию попущению на пути случилось с Иоанникием одно ужасное приключение, которое угрожало опасностью его жизни. Путешествуя по Новгородской губернии, они шли в поле большой дорогой, в тишине братски занимаясь душеполезной беседой. Вдруг неожиданно беседа их прервалась появлением какой-то женщины, которая втерлась между идущих товарищей и нахально старалась завязать с ними разговор. Внезапное появление женщины произвело неприятное впечатление на монаха Иоанникия. Охраняя свои чувства, он отстал, приглашая и своего спутника остановиться, с намерением, чтобы женщина ушла от них. Когда она уходила, то они видели, что у нее за плечами была какая-то ноша, а на голове имелось что-то высокое причудливое; остальную часть дня они прошли благополучно. На другой день рано утром, оставив свой ночлег, отправились они в путь. Дорога, по которой они шли, была по чистому полю близ реки Волхова. Видно было на далекое расстояние, что никого из людей не было. Тихо и покойно продолжали они свой путь. Вдруг неожиданно между идущими опять появилась вчерашняя женщина; тем же образом как и вчера, она беззастенчиво со всем нахальством старалась вступить в разговор с идущими. Раздосадованный Иоанникий в негодовании поднял палку и, грозя ей, сказал: "Отойди от нас, ведьма, что ты, негодная, привязалась к нам!" Женщина яростно сверкнула глазами и мгновенно исчезла. При этом монах Иоанникий пришел в бессознательное состояние, что с ним происходило, он не сознавал, а придя в сознание, увидел себя лежащим около ручейка раздетым донага... Оба товарища отправились в путь. Иеромонах Израиль видя, что спутник его оправился, дорогой рассказал ему все по порядку случившееся. "Когда ты, — говорил он, — поднял палку на женщину, она в это время разразилась адским хохотом, а ты бросился бежать в сторону, снимая с себя одежду; сапоги и даже белье снимал ты и бросал в стороны и бежал по направлению к реке; добежав до берега, ты поскользнулся и упал вниз по крутому скату; но вцепившись за мелкий кустарник, выбрался на берег и опять бросился бежать вдоль берега. Добежав до ручейка, пересекающего твой путь, ты упал без чувств. Я же когда услышал хохот женщины, обратил в ту сторону взор, и мне показалось какое-то мерзкое обнаженное тело; оградив себя крестным знаменем, я пошел вслед за тобой, подбирая твои разбросанные вещи, и когда дошел до ручейка, то нашел тебя уже в бессознательном состоянии; я оградив тебя крестным знаменем и начал лить воду на твою голову, чтобы привести тебя в сознание".

После этого он не решился продолжать путь один, так как спутник его иеромонах

Израиль, не пожелав путешествовать далее, определился в одном из Российских монастырей. После некоторого раздумья и колебаний и сам Иоанникий решил вернуться снова в Глинскую пустынь. Но здесь в его отсутствие ненавистники его успели еще более оклеветать его перед настоятелем. Посему, когда он возвратился в пустынь, настоятель не принял его и на глаза, причем и братии запретил принимать его в свои келлии, а гостиннику приказал даже выгнать Иоанникия из гостиницы. "Когда выгнали меня из монастыря, — рассказывал впоследствии сам Иоанникий, — была уже ночь. Вышел я за святые ворота и, обратившись, взглянул на то святое место, где не так давно был вчинен в лик иночествующей братии, но откуда теперь я так позорно изгоняюсь, как злодей! Неизобразимая горесть разлилась в душе моей!.. Предо мной был целый мир, а я не имел где главы преклонить! Опустившись на землю, я горько зарыдал... и рыдал долго... Слезы несколько облегчили мое сердце, и я стал рассуждать, что мне теперь делать и где ночевать. Не знал я, на что решиться: до деревни идти по лесу в темноте ночной было страшно; и под оградой, окруженной лесом, ночевать тоже небезопасно, тем более, что лес был густой, и я знал, что в нем часто бродили звери. Долго я боролся с помыслом — удалиться ли от ограды обители и идти до деревни или остаться на ночь под оградой; решил на последнее. Если угодно Господу прекратить дни моей жизни, думаю себе, то пусть звери растерзают меня, но растерзают здесь под оградой святой обители. Между тем некоторые из старшей братии, сожалея обо мне, решились пойти к настоятелю и просить его о принятии меня в число братии. И так, оставшись на ночь под оградой, я томился от горести и, наконец, почувствовал изнеможение. Сотворив молитву, я, сидя на земле, склонился на сумку и хотел заснуть; долго я лежал, но заснуть не мог: различные помыслы, как черные тучи, надвигались на мою душу и давили меня. Время приближалось к полуночи, и на меня стал нападать какой-то особенный страх; страх этот все усиливался и, наконец, до того овладел всем моим существом, что я едва мог переводить дыхание. Находясь в таком положении, я начал усердно молиться Пресвятой Богородице и просить Ее помощи... Слышу: на колокольне пробило 12 часов; в это время отворилась калитка, ко мне вышел монастырский духовник и начал звать меня: "Иоанникий, где ты?" Я отозвался, и он объявил мне, что настоятель принимает меня снова в обитель, а послушание назначает на братской кухне. Какова же была моя радость! Я не находил слова как благодарить Царицу Небесную!"

Два месяца монах Иоанникий трудился на кухне, неповинно неся епитимию. Наконец, настоятель убедился в его невинности и скоро представил к рукоположению во иеродиакона. 1824 г. ноября 12-го Иоанникий был рукоположен в сан иеродиакона преосвященным Владимиром, епископом Курским и Белгородским. С какой чистотой сердца и с каким благоговением приступал он к Таинству священства, об этом можно судить по действию на него благодати во время хиротонии. Когда архиерей возложил руку на голову его, призывая Духа Божия на проручествуемого, он ощутил, что через голову в сердце его полилась какая-то сладостная теплота и разлилась по всему телу. Сердце его исполнилось несказанной радости, так что он даже изменился в лице. Архиерей заметил в нем перемену и часто посматривал на него в продолжение Божественной литургии. Во время причащения Святых Тайн, он, стоя за престолом между прочими диаконами, был в восхищении и сподобился созерцать чудное видение, открывшееся его умственным очам. Впоследствии при одном воспоминании об этом он переносился умом к виденному, прерывал рассказ на некоторое время и как бы погружался в самого себя: тогда лицо его принимало чрезвычайно благоговейное выражение, которое ясно показывало, каких благоговейных чувств была исполнена его душа. Не всем он рассказывал об этом видении, по своему смирению, но близким по духу иногда говорил о нем даже подробно. "Когда я стоял за престолом, — рассказывал так старец, — вдруг все, окружающее меня, как бы ступевалось и сделалось невидимо; внезапно очутился я в каком-то пречудном храме, осияваемом неизреченным светом. Человеческий язык не может изобразить несказанную красоту и величие того пречудного нерукотворенного храма. На горнем месте была какая-то светлая возвышенность, но ее скрывала распростертая, как бы невещественная завеса. Сияние, выходявшее из-за завесы, разливало свет по чудному храму. Я стоял в трепетном ожидании

чего-то, устремив все мои душевные чувства к горнему месту. Какой-то тайный голос говорил мне: "Там Господь!" Вдруг огненная рука простерлась отнять завесу; при виде этого, душа моя переполнилась благоговейных чувств и я громко воскликнул: "О, Господи!" Протодиакон, стоявший рядом со мной, толкнул меня; как бы очнувшись, я в полусознании начал осматриваться кругом себя, не понимая хорошо, что со мной происходит. Пришедши в себя, вижу, что архиерей, стоя перед престолом, причащается Святых Тайн, а прочие священнослужители, став, в порядке, смотрят на меня с удивлением".

Упражняясь всегда во внимании, усиленно охраняя себя от приражения мысленных прилогов вражиих, Иоанникий достиг в душевном состоянии той степени чистоты, на которой сподобляются духовных откровений. Не раз впоследствии рассказывал старец своим близким для возбуждения в них духа ревности о тех откровениях, которые были показаны ему » дивных сновидениях.

"Однажды, — говорил он, — по окончании утрени придя в свою келлию, я совершил свое келейное правило и прилег несколько отдохнуть, и только что погрузился в тонкий сон, как представилось мне ясно, будто бы я еду в тарантасе с настоятелем Филаретом во двор какой-то великой госпожи. Тарантас остановился, на дворе было очень грязно. Настоятель Филарет пошел в дом, а я остался на своем месте; в это время вышел из дома молодой человек прекрасной, величественной наружности, в белом стихаре, по-диаконски крестообразно препоясанном; лицо его блистало светлостью; подойдя ко мне, он сказал: "Иоанникий, тебя требует Царь, следуй за мной, я тебя доведу к нему"; а я ему говорю: "Видишь, какая здесь невылазная грязь, здесь пройти невозможно; на это он сказал: "Смотри на мой след: где будет становиться моя нога, туда и ты ставь ногу, но только не оглядывайся назад". Сказав это, он обратился и пошел, а я следовал за ним. Действительно, я увидел, что где становилась его нога, там делалось сухо, на эти места вступал и я; прошедши некоторое расстояние, я заметил, что мы идем не по земле, а по какой-то тропе, которая была по воздуху перекинута через реку. Эта тропа не более трех вершков в ширину, на ней едва вмещалась человеческая стопа. Всматриваясь в след своего вожатого, я увидел под собой реку, но не водную, а огненную, которая стремительно неслась по своему руслу; ее пламенные волны как бы изливались через пороги бурным потоком, а между огненными волнами видны были человеческие члены: где покажется рука, где нога, где голова, или весь корпус человеческого тела. В ужасе я продолжая свое шествие; мы дошли до берега; перед нами оказалась равнина, на которой был сад; ворота в сад были открыты; мы направились через ворота в сад. Вожатый мой оставил меня в саду, а сам пошел в дом, который стоял на левой стороне, а я начал обозревать поистине дивную красоту этого сада; деревья были здесь какие-то прекрасные и стояли в дивном порядке; зелень и цветы неземной красоты; среди сада стоял величественный пятиглавый собор дивной архитектуры; на его среднем куполе был большой крест из чистого бриллианта, а на других меньших куполах такие же, но только меньшей меры. Они светились и горели разительным блеском: невозможно было на них смотреть; все здесь было как бы неземное. Восторгаясь всем виденным, я увидел из глубины сада направляющееся ко мне общество девиц; их было числом 15; одеты они были в белые платья, наподобие хитонов, розовыми лентами препоясанные крестообразно; возраста были все от 14 до 15 лет; ласково приветствуя меня издали, они называли по имени и, подойдя ко мне, хотели целовать в уста (По заключению святых отцов, в сновидениях девицы показывались девственникам: так, Софронию Софисту был показан лик девиц, ликовавших перед ним (впоследствии патриарх Иерусалимский) (Четьи-Минеи, марта 11-го). Святитель Григорий Богослов еще в возрасте юношеском видел двух девиц, которые обнимали его и уговаривали хранить чистоту, из них первая называла себя "Чистота", а другая — "Воздержание" (Четьи-Минеи, марта 25-го). Можно заключить, что вследствие девственной чистоты иеродиакона Иоанникия (Илиодора) в знаменательном сновидении приветствовал его лик девиц), но я, уклоняясь от этого, поднял против себя руку, чтобы их не подпустить и говорю им, что я монах; девицы как бы застыдились, но приветливо улыбаясь, раскланявшись, удалились от меня. В это время вышел из дома водящий меня; я заметил, что он изменился,

прежде он был ласков, а теперь казался грозным. Внутренний мой помысел говорил мне, что это потому он сделался ко мне таким, что я отверг приветствие тех девиц, не допустил их облобызать себя: тогда водящий меня, указывая рукой за ворота, говорит: "Иоанникий, пойдй вон туда и посмотри еще там, а я доложу о тебе Царю". Я спросил его: "Да где же Царь?" Он указал мне дом, который находился за какими-то растениями, почему издали нельзя было рассмотреть его и только через зелень видна была златоблестящая крыша. Повинуясь приказанию своего вождя, я вышел за ворота; здесь я увидел на просторном берегу огненной пропасти бесчисленное множество разбросанных человеческих костей. Я подумал, что это, должно быть, те несчастные, о которых говорит пророк Давид: "Расточишася кости их при аде" (Пс. 14, 7); подойдя ближе к пропасти, я увидел узкую лестницу, которая спускалась по крутизне берега до огненных волн; к ней было приделано одно перильце полусгнившее; желая поближе рассмотреть эту ужасную пропасть, я начал спускаться по лестнице, взявшись рукой за перильце; это последнее так пошатнулось, что я едва удержался на лестнице, а посему поспешил выбраться оттуда. Стоя на берегу в страхе, обозревая страшное место, вижу идет молодой послушник нашего монастыря, раздетый донага. Я, останавливая его, говорю: "Послушай, брат, не ходи туда, там место ужасное", — но он, не обращая внимания на мои слова, устремился к берегу и только ступил на лестницу, как вдруг оборвался и полетел в огненную пропасть (Послушник этот А. проводил в то время жизнь весьма неприличную). Я еще не успел излить свою скорбь, как мне казалось, о погибшем, как вижу идет туда же схимник, так же обнаженный; останавливая сего последнего говорю ему: "Отче, не ходи туда! Место такое ужасное, что выразить нет возможности!" Он, остановившись, подумал и говорит: "Нет! Надо идти: я туда послан"; и только вступил на лестницу, как тоже оборвался и полетел в пропасть. Обратившись, я увидел своего водителя около себя; он велел мне следовать за собой; когда вошли мы в сад, он указал мне вдаль, где на прекрасном месте между деревьев сидели три человека, при этом сказал: "Там Господь! Гряди к нему". В трепетном благоговении я пошел к сидящим. В это время два отошли от того места, а один остался. Когда я приблизился к сидящему, он обратил на меня величественный свой взор, полный милосердия, и сказал: "Марие! Что пришла еси"! От Его голоса душа моя переполнилась благоговейного умиления; внутренний голос мне сказал: "Эти слова относятся к твоей душе". В благоговейном страхе воздел я руки и от полноты души произнес: "Господи! Се аз"! Сидящий, милостиво взирая, сказал мне три слова (Старец Илиодор, когда, рассказывая, доходил до сего места, всегда останавливался, наклоня голову, и молчал довольное время, погружаясь в созерцание виденного; но трех слов, сказанных ему, не сказал никому до самой своей смерти). Водящий меня приказал опять следовать за ним и повел меня опять той же воздушной тропой через огненную реку, в которой я видел те же ужасы, что и прежде. Перейдя реку, мы пошли по равнине между рядов растущих деревьев и вышли на зеленый луг; отсюда видно было все пространство места, а за огненной рекой был виден дивный сад с его прекрасными растениями, дивным собором и постройками неземного зодчества. Водящий меня остановил и, указывая на сад и реку, сказал: "Иоанникий! Вот тебе показал Господь места, которые уготованы для будущей жизни праведных и грешных, если хочешь быть там, — он указал на сад, — подвизайся жить в повелениях закона Божия".

Этим сновидение кончилось. Я проснулся; при этом душа моя исполнена была благоговейного страха и умиления".

В уверение истины старец говорил: "Ей, так".

В 1826 году в Глинской пустыни случилось одно неприятное происшествие, породившее между братией смущение. История его такова.

Некто мирянин поступил в Глинскую пустынь в число братии, человек уже довольно пожилой. Таковые иногда приходят в монастырь в старых летах, может быть, с доброй душеспасительной целью, но к прискорбию часто приносят с собой, долговременной жизнью

в миру усвоенные мирские понятия, привычки, с которыми, вступив в монастырь, расстаться не понуждают себя и, будучи подстрекаемы своим самолюбием к честолюбию, ищут поставить себя выше тех братии, которые многолетними трудами и внимательной жизнью от юности приобрели иноческую опытность, и в глазах монастырского братства стоят на степени достодолжного уважения. Чтобы достигнуть своей цели возможно скорее, некоторые из них (вновь поступивших стариков) часто прибегают к проискам, и своими хитрыми обходами случается и успевают в своих предприятиях. Такой случай послужил причиной нестроений между Глинской братией, отчего произошло общее смущение, в которое мог быть замешан иеродиакон Иоанникий, но последний, желая уклониться от неприятностей, счел за лучшее переместиться в Рыхловский Николаевский монастырь, Черниговской губернии (Находится в Кролевецком уезде Черниговской губернии среди оврагов, покрытых вековым чернолесьем). Таковое перемещение состоялось 29 сентября 1896 года.

Рыхловским монастырем в то время управлял настоятель иеромонах Анастасий. Желая иметь его своим помощником, Анастасий просил епархиальное начальство утвердить иеродиакона Иоанникия в должности казначея. Около трех лет протекло для него в этой должности с пользой для обители и благополучно для себя, а затем начался тяжкий период в его жизни, в котором пришлось проходить ему горнило испытаний, какие только проходят избранные последователи Подвигоположника Христа Спасителя нашего.

Настоятель Анастасий не останавливался ни перед какими мерами, чтобы уязвить Иоанникия. Желая выжить его из монастыря, он при всяком случае придирался к казначею без всяких причин.

В это тяжелое время Иоанникию представился случай с опасностью для себя явить ревностное благочестие в охранении святыни в храме Божиим. Об этом он рассказывал впоследствии так: "Однажды вхожу я во святой алтарь и вижу, что на святом жертвеннике сидит толстый помещик, которому монастырский ризничий показывает различные священные вещи. Помещик был богат и отличался вольностью, маловерием и особенно страстью к сутяжничеству. Видя такое поругание святого места, я затрепетал от ужаса.

Думаю себе: если сказать ему, что следует, то от него и не отвяжешься. Оставить же его попирать святое место было невыносимо для моего благоговейного чувства. Стал я перед святым престолом и помолился мысленно, говоря: "Господи, помоги! Ревнуя поревновах по Твоей святыне! Аще угодно Тебе попустить, чтобы я пострадал, да будет воля Твоя"! Затем, подойдя к жертвеннику, я заложил локоть правой руки за спину сидящего и сбросил его с жертвенника так, что он пролетел в северную дверь, как сатана.

Тогда Анастасий обратился к коварной хитрости; он начал делать доносы на Иоанникия не от себя, а от лица других иеромонахов, будто бы казначей Иоанникий и некоторые другие не повинуются настоятелю (Заимствовано из архива Рыхловского монастыря 1828 и 1829 гг). Вследствие таковых доносов, в следующем 1829 году было предписано из консистории настоятелю игумену Анастасию строго следить за поведением казначея Иоанникия и некоторых других; а затем скоро в том же, 1829 году, 25 января состоялся указ о переводе казначея иеродиакона Иоанникия в Домницкий монастырь, под строжайший надзор, с запрещением впредь до дальнейшего распоряжения. Итак, Иоанникий, по одним голословным доносам, без всякого следствия, неповинно осужден был страдать на месте своего изгнания.

Два года и десять месяцев томился Иоанникий в Домницком монастыре под запрещением. И какая это была жизнь! Всякий час он трепетал за свою будущность, постоянно опасаясь разделить участь несчастных духовных лиц, гонимых неправдой. Всякий день с прибытием почты, ожидал он решения своей участи и был подобен человеку, над которым нависла страшная скала, готовая оборваться и раздавить его. Тяжело положение такого человека! "Я тогда плакал, — рассказывал он после, — и плакал, как изгнанный из рая;

СХИАРХИМАНДРИТ ИЛИОДОР (ГОЛОВАНИЦКИЙ)

от многих слез едва не лишился зрения. Горе мое было сильно главным образом тем, что не было никакой надежды и на будущее; не представлялось никакой возможности избавиться от нависшей опасности. И знал и видел, что клевета вполне восторжествовала", архиерей был против меня, консистория тоже; чего же можно было мне ожидать доброго?"

Занимая письмоводительское послушание в Домницком монастыре, Иоанникий часто ездил в г. Чернигов по делам монастырским к преосвященному Лаврентию, управлявшему тогда Черниговской епархией. Не раз представляясь лично, он просил преосвященного отпустить его на Афонскую гору или на север в Соловецкую обитель, чтобы там окончить жизнь свою в монашеском звании. Но преосвященный, видимо предубежденный против него, не только не хотел уволить его, но даже и обращался с ним очень сурово, иногда высказывая ему угрозы относительно лишения духовного звания. "Будешь, будешь, красную шапку носить!" — говаривал он с оттенком насмешки. С какой горестью выслушивал Иоанникий эти немилостивые слова своего владыки! Уже в старости он рассказывал, что подобные представления его преосвященному были настолько для него тяжелы, что, без помощи свыше, немощный человек не мог бы их перенести своими только силами. Иногда случалось, что владыка давал обещание уволить его и приказывал подать прошение. Прощение подавалось, уплачивался гербовый сбор, тратились последние копейки половинного монастырского жалованья Иоанникия; несколько дней Иоанникий ожидал резолюции без достаточных средств на содержание (Вследствие этих растрат Иоанникий терпел крайнюю нищету: одежда на нем была изорванная, а из разбитых сапог виднелись ноги). И в заключение получал обратно прошение с резолюцией — "в выдаче билета отказать".

Иоанникий пытался с получаемыми назад прошениями являться к архиерею, чтобы напомнить ему об его обещании, но из этого ничего не последовало. А однажды владыка сказал ему: "Да, отпусти тебя, на север, а ты поедешь в Петербург, да вздумаешь оправдываться, тогда, пожалуй, и мне могут выйти неприятности. Нет! Не выпущу тебя, пока не наденут на тебя красной шапки". Таким образом угнетаемый со всех сторон Иоанникий с тяжелой скорбью в душе ожидал окончания своей печальной участи.

Настоятель Домницкого монастыря архимандрит Иов Куроцкий был человек простой и добрый, как отзывался о нем впоследствии Иоанникий. Зная невинное страдание Иоанникия, он сочувствовал ему, утешал его чем мог, часто приглашал его с собой обедать; но он не в силах был снять с Иоанникия того тяжкого бремени, которое тяготило его душу. Таким образом, безнадежность выйти из столь ужасного положения особенно угнетала невинного Иоанникия; в таких горестях единственным утешением для него, как он впоследствии говорил, была молитва; с ней он всегда обращался к Божией Матери, перед Ней исповедуя свою невинность, и к Святителю Христову Николаю, которого он в продолжение всей своей жизни считал своим покровителем.

Злосчастное положение, постигшее Иоанникия, началось в феврале 1828 года, когда Анастасий, сбившись с пути иноческой нравственности, начал делать ложные доносы на невинного Иоанникия, с того времени протекло одиннадцать месяцев преследования Иоанникия, предшествовавших тяжкому испытанию, которое ожидало его впереди. А в январе 1829 года получен был указ о поднадзорном его перемещении в Домницкий монастырь, в котором и продолжались его тяжкие душевные страдания до 20 ноября 1831 года. Такое продолжительное время, Божиим попущением, пришлось Иоанникию проходить горнило горьких испытаний; эти последние глубоко врезались в его сердце и живо представлялись ему в глубокой старости. Всегда при воспоминании того времени, он благодарил Бога, подавшего ему помощь перенести эти тяжести. До самой смерти он был сострадательным и соболезнующим ко всем гонимым и оскорбляемым; в таковых принимал он сердечное участие (Некто Я.Д.В-овец в декабре 1893 г. прислал настоятелю Глинской пустыни письмо за подписями нескольких лиц, удостоверяющих благотворное влияние примера терпения схиархимандрита Илиодора.

Одна молодая монахиня, долго гостившая в Петербурге, стала колебаться, возвращаться ли ей в свой монастырь. По прочтении же сказания о жизни и подвигах старца Илиодора у нее исчезли всякие колебания, мятущие душу. Она окончательно решила ехать в свой монастырь и терпеливо переносить всякие скорби. (Вероятно, ее кто-либо из могущественных преследовал в своем монастыре)). В 1831 году последовало перемещение преосвященного Лаврентия Черниговского в другую епархию. Настоятель Домницкого монастыря, желая проститься с отъезжающим архипастырем, но в то же время будучи болен (В том же, 1831 г. он скончался), поручил иеродиакону Иоанникию сделать прощальный визит владыке от его (настоятеля имени) и всей братии Домницкого монастыря. После обычных объяснений с владыкой, Иоанникии хотел было удалиться; но владыка, остановив его, сказал: "Я кажется обидел тебя, давай, брат, простимся!"

На место преосвященного Лаврентия в Черниговскую епархию был назначен высокопреосвященный Владимир, архиепископ Курский и Белгородский, присутствовавший тогда в Святейшем Синоде, который скоро и прибыл на место своего назначения (На Черниговской кафедре он был с 31 марта 1831 г. по 1836 г).

Иеродиакон Иоанникии снова был послан в Чернигов, чтобы от лица настоятеля и братии приветствовать вновь прибывшего архипастыря и спросить его благословения. Прибыв в архиерейский дом, Иоанникии случайно встретился с владыкой среди монастыря; представившись владыке и отрапортовав ему о благосостоянии обители, он принял благословение архипастыря и удалился.

Высокопреосвященный Владимир, увидев Иоанникия, видимо заинтересовался им и, желая иметь о нем точные сведения, потребовал к себе своего эконома — архимандрита Петра, чтобы узнать от него об Иоанникии беспристрастный отзыв. Понятно, что дело о нем владыке было известно еще в Петербурге. Архимандрит Петр был человек простой и добросердечный; ему были известны подпольные интриги гонителей Иоанникия, и что сей последний страдает напрасно, а посему он имел к нему душевное сострадание, хотя в виду сплотившихся непомерных сил (Действительно, против Иоанникия были непомерные силы: настоятель Анастасий, секретарь консистории корыстолюбивый Кочерга и ими переубежденный местный владыка) против Иоанникия, не мог ему раньше помочь, а только ограничивался, до возможного времени, сердечным состраданием и утешительным словом. Но когда вновь прибывший архиерей потребовал от него беспристрастного выяснения этого дела, тогда он решился раскрыть перед владыкой подробно о неповинном страдании Иоанникия. При этом высказал, что братия Глинской пустыни, давно знающие о духовном настроении Иоанникия, будучи уверены в его неповинности, просили его (архимандрита Петра) заступиться за него, но, к прискорбию не было возможности. Архиерей, выслушивая справедливый рассказ старца архимандрита, убеленного сединами, качал головой. Отпустив своего эконома, владыка, вероятно, углубился в размышление об участи, постигшей неповинного страдальца; это видно из того, что он сейчас же решился изменить ее на лучшую. Этот рассказ архимандрита произвел на Иоанникия удручающее действие. Да это и естественно.

Как только явился Иоанникий к преосвященному, первый был вопрос владыки.

-Ты давно в Домницком монастыре?

-Около трех лет.

-А где ты постригался в монашество?

-В Глинской пустыни Курской епархии.

-Кто постригал тебя?

-Строитель старец Филарет.

-А рукополагал во иеродиакона кто?

-Вы, Ваше высокопреосвященство, удостоили меня этой степени.

-Я рукополагал тебя? — переспросил владыка.

-Вы.

-Дело о тебе мне хорошо известно; ты желаешь быть иеромонахом?

-Нет, не желаю.

-Почему?

-Лета прошли.

-А сколько тебе лет?

-Тридцать шесть.

-Однако ты старичок, — сказал с улыбкой владыка (Владыке показалось действительно смешным видеть перед собой человека тридцати шести лет, очень красивого, стройного и приятного взора и утверждающего, что его лета уже прошли. Владыка не забывал этого и после и нередко с доброй улыбкой называл Иоанникия старичком. Когда у самого Иоанникия после спросили, почему он сказал, что "лета его уже прошли", то он объяснял это так: "Находящемуся в тяжком томлении время тянется весьма медленно; так было и со мной, действительно, и мне казалось, что жизнь моя уже протекла, и я приближаюсь к концу").

-А если я рукоположу тебя без твоего желания, что ты на это скажешь?

-Ничего не могу сказать кроме того, что повинуюсь Вашей воле, как воле Божией. При этом осмеливаюсь доложить вам, что я несчастный нахожусь под запрещением, и дело обо мне в Святейшем Синоде, известно ли это Вашему Высокопреосвященству?

-Вот я для тебя Синод! — сказал владыка, — Готовься на завтра к рукоположению во иеромонаха! И так паче чаяния Иоанникий был рукоположен во иеромонаха 20 ноября 1831 года (Высокопреосвященный Владимир, присутствуя в Святейшем Синоде, понятно, знал, что дело об Иоанникии и о других соучастниках скорбей оставлено без последствий. Старец Илиодор после рассказывал, каким образом Господь защитил их от грозящей опасности. Одна старушка служила экономкой у графини Кучубей, ее графиня очень любила; этой старушки сын, по имени Андрей, жил послушником в Рыхловском монастыре и подвергся одной участи с Иоанникием. Мать его, жившая в Петербурге при своей графине, узнала через монахов Александро-Невской Лавры о грозившей опасности ее сыну вместе с прочими. В горести своей она обратилась к своей графине, а эта последняя приняла живое участие в этом деле. Она послала племянника к великому князю Константину Павловичу, у которого он служил адъютантом, просить Его Величество ходатайствовать за гонимых. Благодаря вмешательству великого князя дело это было оставлено без последствия. Упомянутый послушник Андрей, впоследствии в постриге Амвросий, был духовником в Рыхловском монастыре. Он посещал старца Илиодора, уже живущего на покое в Глинской пустыни).

Совершившийся по воле Божией неожиданный поворот в судьбе Иоанникия настолько, поразил его, что он совершенно растерялся, не будучи в состоянии сообразить всего, что с ним происходило. Вышедши по рукоположении из церкви, он забыл явиться даже к архиерею и без всяких видов, удостоверяющих его рукоположение, удалился из Чернигова. Когда он прибыл в Домницкий монастырь, то никто не верил тому, что он рукоположен в иеромонаха; только настоятель знал его настолько, чтобы ему поверить и дозволить совершать богослужение.

20 января следующего 1832 года было предписано указом настоятелю Домницкого монастыря иеромонаху Иоанникию выдать 25 руб. денег из неокладной монастырской суммы

на расходы и снарядить тройку лошадей для проезда ему в Чернигов.

По приезде в архиерейский дом Иоанникий немедленно представился высокопреосвященному Владимиру. Владыка спросил его, почему он по рукоположении так поспешно и как бы секретно уехал из Чернигова. "Простите, владыка святой!" — сказал Иоанникий. — Неожиданность совершившегося в моей судьбе так меня озадачила, что я растерялся и сделал это в замешательстве и едва опомнился уже по приезде в монастырь. Владыка, улыбаясь, сказал ему: "Однако хорошо же тебя, здесь пугали!" Иоанникий был назначен служить в Крестовой церкви. Впоследствии оказалось, что владыка вызвал его к себе, желая лично убедиться в его качествах. В этих видах некоторым лицам было поручено даже следить за его поведением.

Когда Анастасий первый раз представился вновь прибывшему владыке, то сей последний передал ему от мнимой сестры поклон и посылку, а затем после кратких объяснений спросил Анастасия, сколько ему лет. Сей последний сказал: "Пятьдесят лет" (Анастасий казался очень молод. Лицо имел нежное и бороду очень скудную). Владыка посмотрел на него недоверчиво и сказал: "Зачем обманывать! Вам есть ли еще тридцать лет! Вам, кажется, было бы приличней быть женихом, нежели настоятелем обители". Затем смотря на Анастасия, владыка покачал головой и, вздохнув, сказал: "В неведении погрешил я за тебя перед Богом, обращая внимание на твои доносы. Я полагал, что настоятель Рыхловского монастыря — благоговейный старец строгой жизни, который, понуждая братию к строгому исполнению монашеских правил, не мог быть приятен для молодых, любящих вольность, а посему и вынужден был доносить о возмущившихся против него, но теперь на деле вижу противное". Затем после малой паузы архиерей сказал: "Вот что скажу вам, отец настоятель, садитесь вот там (указав место) и пишете прошение об увольнении от должности, дело ваше лучше будет". Пораженный неожиданностью такого происшествия, Анастасий взмолился: "Ваше высокопреосвященство! Позвольте мне подать прошение из монастыря". "Нет! — строго повторил архиерей, — "Здесь! Здесь!" Анастасию более ничего не оставалось делать, как повиноваться. Прощение об увольнении было подано. Анастасий был перемещен в Домницкий монастырь в число братства (заимствовано из личных рассказов старца Илиодора). Так сбылись слова пророка Псалмопевца: "Ров изрыл ископа и впаде в яму, юже содела" (Пс. 7, 16).

Недолго пришлось жить иеромонаху Иоанникию в Черниговском архиерейском доме. Архиерей, окончательно убедившись в безвинном его страдании и лично удостоверившись в его способностях, признал Иоанникия достойным высшего назначения, и так как в Рыхловском монастыре продолжалось неустройство, то владыка наметил его туда настоятелем. Таковое предположение владыки не было известно Иоанникию; он думал, что его перемещают в число братии Рыхловского монастыря, и потому посланный в сентябре 1832 года в Рыхловский монастырь, он по приезде в обитель поселился в братской келлии, как обычный монастырский житель.

Духовник и казначей были удалены от управления с перемещением их из Рыхловского монастыря, а управление передано иеромонаху Иоанникию, с утверждением его в должности настоятеля, которое состоялось 16 сентября 1832 года.

Приняв в управление обитель, он все свои заботы направил к тому, чтобы водворить в обители спокойствие и восстановить в ней надлежащий порядок. Достижение этой цели стоило Иоанникию немалых трудов и сопряжено было с некоторыми для него неприятностями. Дело в том, что при настоятеле Анастасии лучшие из братии вынуждены были оставить Рыхловский монастырь, так что монастырь имел насущную нужду в способных людях. Поэтому первым делом для Иоанникия было собрать около себя людей достойных и способных и с Божией помощью этого он достиг с большим успехом. Как только разнесся слух о смене Анастасия, настоятеля Рыхловского монастыря, и об определении туда

строителем иеромонаха Иоанникия, в Рыхловский монастырь стали возвращаться некоторые из прежней братии, вышедшей из обители при Анастасии, а многие переходили и из Глинской пустыни. Таким образом около Иоанникия скоро составилось благонадежное общество братии, а посему в обители был восстановлен им должный порядок монастырской жизни. Принимая во внимание труды строителя Иоанникия по благоустройству обители, высокопреосвященный Владимир 12 ноября 1833 года наградил его набедренником, а 14 сентября 1835 года произвел его в сан игумена с возложением палицы.

Своей открытой сердечной любвеобильной простотой в обращении игумен Иоанникий привязал к себе братию так, что они обращались к нему с таким доверием, с каким обращаются дети к нежной матери, и от любви к нему готовы были исполнять все его пожелания.

Не об одном духовном благонастроении братства была забота настоятеля Иоанникия — нужды обители требовали немалых забот. Так как в обители требовались постройки и ремонт обветшалых монастырских зданий, а средства обители были слишком ограничены, то для изыскания средств игумен Иоанникий ездил в Москву для испрашивания пожертвований и возвратился в свою обитель через три месяца после отпуска (26 февраля 1834 г). В эту поездку он был на поклонении святым мощам преподобного Сергия Радонежского. В Троице-Сергиевой Лавре был принят любезно знаменитым наместником Лавры архимандритом Антонием. А на обратном пути посетил Оптину пустынь Калужской губернии, где в то время подвизался старец иеромонах Леонид. О душеполезных беседах с этими старцами он рассказывал уже в глубокой старости.

Игумен Иоанникий, будучи настоятелем, очень редко бывал в монастырской гостинице, куда вместе с посетителями-богомольцами часто приезжали окрестные помещики со всеми членами семейства. Нашлись из них такие, которые делали заявление епархиальному архиерею, что будто бы настоятель Рыхловского монастыря неприветлив к приезжающим посетителям, а это может де отвратить благодетелей от обители. Но владыка уже был уверен в благоразумии Иоанникия, а посему не верил такой нелепости. Однажды Владыка сказал ему: "На вас, отец игумен, есть донос, что вы не приветствуете благодетелей и не посещаете их в гостинице".

-Ваше высокопреосвященство! Я от юности избегал знакомств с женским полом, и что теперь, как монах, уклоняюсь от таковых компаний, это сущая правда, а особенно таких, которые приезжают в монастырь для того, чтобы убить праздное время. Человек я еще не старый, а, как монах, долгом считаю строго охранять свои чувства, вот причина моего удаления от знакомства. Благодетели же, которые приезжают в монастырь по истинному усердию помолиться, таковые не будут на меня заявлять жалоб, потому что я таковых не удаляюсь.

-А если обитель от этого действительно потерпит ущерб?

-Я верую в помощь Святителя Христова Николая, что этого не случится.

-Ну если так, — сказал владыка, — я тебя не принуждаю".

В начале своего настоятельства Иоанникий представил к рукоположению в диакона монаха, который исполнял обязанность рухольного (В общежитии обязанность рухольного — покупать для братии холст для белья и другие материалы для одежды и обуви и готовую одежду раздавать братии). Ставленник после рукоположения явился к владыке принять благословение на путь. Владыка спросил его: "Хорош ли ваш новый настоятель"? "Да, он хорош, — сказал ставленник, — да уж строг без рассмотрения. Вот например: я занимаю послушание рухольного, ко мне приносят женщины продавать разные предметы: холст, нитки,

полусуконку и прочее, а настоятель запретил вход в келлию женщинам, и приходится с ними толковать на открытом воздухе, это не совсем удобно". "А! Вот каков он оказался. Обожди же немного, — сказал владыка, — я передам ему письмо". Оно было следующего содержания. "Отец настоятель! Рассматривай повнимательней, кого представляешь к рукоположению, а таких дураков, как этот, больше не представляй". Когда ставленник, прибыв в монастырь, подал письмо от архиерея настоятелю, сей прочитав, подал прочитать подателю, и при этом спросил: "Что говорил архиерею"? Ставленник сознался во всем; тогда настоятель Иоанникий сказал: "Видишь, как архиерей тебя похвалил, расскажи об этом братии, чтоб кто-либо из них так же, как и ты не уплелся и будь покоен, я тебе это прощаю".

Игумен Иоанникий однажды, бывши на своем хуторе, в летнее время пошел с некоторыми из братии покупаться в реке Десне. Купаясь, чуть было не утонул; только чудо спасло его. "Сознавая опасность и борясь со стихией, я обратился молитвенно к Святителю Чудотворцу Николаю, но силы меня совершенно оставили, и я погрузился на дно. Помню, что лежу на дне реки, но сознание меня не оставляет, и я непрестанно призываю Святителя Николая. Я даже начал рассуждать в себе, неужели, думаю, усопший человек может столько времени сохранить в себе сознание? Затем я почувствовал как бы склонность ко сну; мысль промелькнула: значит наступает смерть! Но при этом дышать сделалось легко и свободно. Как очутился я на берегу, сам не знаю! В чувстве глубокой благодарности припал я к земле, поклонился своему избавителю от смерти Святителю Христову Чудотворцу Николаю. Ей, так", — подтверждал свой рассказ старец Илиодор.

После восьмилетнего управления Рыхловским монастырем, в котором игумен Иоанникий подвизался, не щадя своих сил, он почувствовал, что здоровье его стало ослабевать. Посему он решился оставить должность настоятеля и лично просил об этом высокопреосвященного архиепископа Черниговского Павла, бывшего во время осмотра своей епархии в Рыхловском монастыре. Высокопреосвященный Павел не пожелал его уволить. "Потрудитесь еще, — говорил владыка, — если почувствуете ухудшение, тогда дело видно будет. Старайтесь поддержать свое здоровье, а дела монастырские можете поручить по возможности своим помощникам. Теперь же уволить вас не могу". Игумен Иоанникий думал склонить владыку на свою просьбу и подал еще прошение, но владыка отказал резолюцией наотрез, затем уговорил его продолжать свое многопольное служение.

Скоро после сего игумен Иоанникий был переведен указом Святейшего Синода от 6 августа 1840 года, на должность настоятеля Петропавловского монастыря той же Черниговской епархии, с возведением в сан архимандрита. С сердечной скорбью расстались братья Рыхловского монастыря со своим любимым настоятелем, к которому и по его отъезде питали особенную любовь до самой его смерти. Многие из них через десятки лет приходили и приезжали к нему для посещения уже в его старости, когда он жил на покое в Глинской пустыни, изъявляя ему свою преданность.

Петропавловский монастырь в историческом отношении имеет важное значение: в нем в сане игумена настоятельствовавший угодник Божий святитель Димитрий Ростовский чудотворец; уединяясь в скиту, принадлежащем этому монастырю, святой игумен в безмолвии составлял там Четьи-Минеи — жития святых; этот скит находится в прекрасной местности, и теперь именуется "скит святителя Димитрия Ростовского".

31 марта 1841 года в понедельник Святой Пасхи скончался настоятель Глинской пустыни, приснопамятный старец игумен Филарет. Архимандрит Иоанникий, благоговевая к первому своему руководителю на пути иноческой жизни, счел для себя священным долгом участвовать молитвенно при погребении своего духовного наставника и, несмотря на весенний разлив воды, отправился в Глинскую пустынь. В одном месте разбушевавшийся поток угрожал опасностью, но Иоанникий, утвержденный верой в молитвенную помощь

своего усопшего отца, игумена Филарета, оградив себя крестным знаменем, приказал кучеру ехать небоязненно через опасный поток. Переправа совершилась благополучно, и он прибыл в Глинскую пустынь благовременно.

В четверг на светлой неделе 3 апреля при стечении народа архимандрит Иоанникий в сослужении со священноиноками Глинской пустыни, при молитвенном участии всей осиротелой братии совершил погребение тела в Бозе почившего возобновителя Глинской пустыни, своим опытным духовным окормлением воспитавшего в ней многих дивных подвижников, игумена Филарета. Это тот самый игумен Филарет, который в час кончины преподобного Серафима Саровского видел душу его, возносящуюся в небесные селения, о чем пишется в описании его жизни (Жизнеописание игумена Филарета). Окружающие его гроб, по уставу Святой Церкви, в пасхальных победных над смертью песнопениях торжественно прославляли воскресшего из мертвых Христа Спасителя нашего, своим воскресением отверзшего райские селения, куда возносилась душа почившего старца лицезреть неприступную славу Того, к Которому всю свою земную жизнь она пламенела божественной любовью.

Архимандрит Иоанникий был весьма сострадателен к несчастью всякого человека, но особенно, если таковое несчастье касалось душевного состояния в загробной жизни; в таких случаях он принимал всякие меры для подаяния помощи страждущему. Однажды в Петропавловский монастырь был прислан священник с запрещением священнодействия; случилось, что он скоро скончался без разрешения.

Канцелярская форма донесения о его смерти была исполнена, как требует того порядок, но архимандрит Иоанникий, заботясь о загробной участи умершего священника, очень скорбел, что он состоит под запрещением, и обдумывал, как бы исходатайствовать ему разрешение. Скоро представился к тому удобный случай. При обозрении своей епархии Черниговскому архиерею пришлось быть и в Петропавловском монастыре. Впоследствии так рассказывал об этом старец Илиодор: "Улучив удобное время, я словесно доложил архиерею об умершем священнике под запрещением. Владыка спросил: "Вы донесли об этом консистории"? — "Да это сделано". — "Вот и хорошо". Через несколько минут я опять повторил то же. Владыка сказал: "Вы, отец архимандрит, мне уже об этом говорили". — "Да, я говорил Вашему преосвященству и опять повторяю". — "Для чего же"? — "Я ожидаю от Вас этому несчастному, связанному Вами, Вашего архиастырского разрешения: если Вы его не разрешите, то кто его разрешит? Этот несчастный будет связанным всю вечность, а это в загробном мире ужасно". Архиерей задумался и после небольшой паузы сказал: "Благодарю вас, отец архимандрит, за столь важное напоминание, а сколько, действительно, бывает таких несчастных случаев нашему невниманию! Ох!" И тут же произнес разрешение умершему священнику".

Архимандрита Иоанникия всю жизнь не оставляло желание проводить жизнь сосредоточенную, чтобы подготовить себя к созерцательной жизни. К этому всецело располагало его и всегдашнее стремление души его. Стремление это не раз порождало в нем намерение оставить настоятельскую должность, чтобы, удалившись от занятий и хлопот, предаться полному и строгому уединению. В этих видах он предполагал поселиться в Брянских лесах, где тогда подвизались некоторые знаменитые подвижники. Но настоятельская должность препятствовала осуществить такое желание. Теперь же он решительно вознамерился удалиться от дел правления монастырем и удалиться на покой, только в избрании места колебался. Глинская пустынь привлекала его, как место первоначальных его воспитательных подвигов. Рыхловский Николаевский монастырь, в котором довольно долгое время он настоятельствовал, привлекал его многими воспоминаниями и особенным расположением к нему всего братства. Но было и третье место, подходящее для таковой жизни; приходило желание остаться на покое в Петропавловском монастыре, где имеется на прекрасном месте

недалеко от монастыря скит святителя Димитрия Ростовского (этом скиту святитель Димитрий Ростовский составлял Четы-Миней (Жития святых), когда был настоятелем в Петропавловском монастыре).

Летом в 1855 году архимандрит Иоанникий приехал в Рыхловский монастырь; прибытие его для любящей его братии того монастыря было истинным духовным утешением. Они просили и уговаривали его переселиться к ним на покой, обещая во всем упокоить его, как любимого отца. Между тем они отправились в лес осмотреть новую келлию, где пришлось остаться ночевать. После вечерней молитвы архимандрит Иоанникий сидел в комнате, где ему была приготовлена спальня; против него была печка голландская, сделанная так, что верх ее не достигал потолка; погружившись в размышления, он произнес: "Хорошо ли и полезно ли будет для моей души поселиться здесь?" В этот момент что-то тяжелое вроде громадного чурбана с верху печки с грохотом бросилось к его ногам, произнося грубым голосом и коверкая слова "Хо-ро-шо! Хо-ро-шо!" Архимандрит осенил себя крестным знаменем и, зажегши огонь, осмотрел келлию; нигде ничего и никого не оказалось. Утром он рассказал о случившемся пришедшим братьям. Выслушав рассказ, братский духовник сказал ему: "Вот вам, батюшка, уверенность, что вам здесь будет хорошо". Архимандрит ему сказал: "А кто этот уверяющий? Я его не признаю быть от Бога; а диавол, как изобретатель всякой лжи, никогда правды не скажет. Но так как он поспешил и в это дело вмешался с своим советом, то слушать его я не намерен". После сего он возвратился в свой Петропавловский монастырь.

После такового происшествия архимандрит Иоанникий обратился с усердной молитвой ко Господу, да ими же весть судьбами укажет ему место для поселения, согласно святой Его воле. Господь не презрел обратившегося к Нему с верой; ему было показано сновидение, в котором хотя иносказательно, но ясно изображалось различное течение предполагаемой жизни на трех разных прежде упомянутых местах. Здесь как бы предлагалось ему испытание, действительно ли он самоотверженно стремится к духовным подвигам? Сновидение было таково. Он увидел себя стоящим среди поля. Перед ним лежали три дороги: первая на Рыхловский монастырь; она тянулась по зеленой равнине, по сторонам ее цветущая зелень, а местами произрастали хлебные злаки; вся местность была ровная, красивая, очень привлекательная. Вторая дорога на Петропавловский монастырь; эта уже далеко уступала первой. На ней было немало возвышенностей, водопромоин и прочих неудобств. Третья дорога на Глинскую пустынь; эта последняя очень узка, тянулась по оврагам, изрыта рытвинами, водопромоинами и поросла колючим терновым кустарником. Сон был весьма ясный и внушительный. Проснувшись, архимандрит Иоанникий ощутил уверенность, что сон этот показывает событие будущего. Ясно было, что первая дорога показывала отрадную и быть может почетную жизнь. Вторая предвещала состояние между первой и последней; а третья видимо знаменовала скорбный путь, но из всех трех ему предлагался добровольный выбор. Рассуждая об избрании показанных дорог, архимандрит Иоанникий остановился на Евангельском изречении: "Яко узкая врата и тесный путь вводяй в живот" (Мф. 7, 14). "Спаситель мой, — говорил он, — прошел земную жизнь путем крестным. Все избранные Его последователи следовали за Ним тем же путем. Я тоже хочу идти вослед Спасителя моего, а посему не должен уклоняться от пути скорбного". Итак, он решил поселиться в Глинской пустыни.

В начале 1845 года архимандрит Иоанникий подал прошение Черниговскому архиерею об увольнении его от должности настоятеля с перемещением на покой в Глинскую пустынь. Дело это затянулось на продолжительное время, вероятно потому, что Петропавловский монастырь, в котором настоятельствовал архимандрит Иоанникий, был под ведомством Черниговской консистории, а Глинская пустынь, куда он просился на покой, подведомственна Курской консистории. Соблюдение формальной переписки между Святейшим Синодом и двумя епархиальными начальствами потребовало времени, и дело это окончилось лишь 6 сентября того же, 1845 года. Увольнение последовало согласно во всем его прошению, с

определением ему половинной пенсии в 52 руб. 85 коп. в год.

С великой радостью архимандрит Иоанникий получил указ об увольнении от настоятельства, которым он освобождался от всех житейских попечений, связанных неизбежно с настоятельской должностью. Душа его давно жаждала беспрепятственно заняться единым на потребу, и вот пришло это желанное время. Переместившись в Глинскую пустынь и освободившись от хлопот и занятий, сопряженных с должностью настоятеля монастыря, архимандрит Иоанникий всецело стремился посвятить себя добродетелям строгого подвижника, прилагая внимание ко вниманию и постоянно стремясь к тому, что пленяло его душу от юности. Сокровенное его делание было видимо только единому Сердцеведцу. Мирлобие старца сделало его осторожным и внимательным ко всему, что касалось его отношения к другим.

Не раз случалось, что старцу миротворцу приходилось терпеть немало укоризн, упреков и насмешек от тех самых людей, которым он желал душевного мира и спокойствия. Это случалось тогда, когда враждующие бывали старшие из братии, но тем не менее люди маловнимательные и своенравные. "Приду бывало, — рассказывал старец, — начну уговаривать их и просить примириться; вот тут-то мне и достанется. Откуда, говорят мне с насмешкой, явился такой миротворец?! Уходи отсюда! Какое тебе до нас дело?" На это старец Иоанникий с кротостью и приветливой улыбкой, кланяясь, говорил: "Простите меня, отцы святыя! Я с желанием добра обращаюсь к вам"; и опять продолжал их просить о том же. Господь, видя труд старца, смягчал ожесточенные сердца, и вражда уступала место миру и любви.

В 1850 г. осенью архимандрит Иоанникий предпринял путешествие в Палестину вместе с другими паломниками, направляющимися туда же.

Обходя Малоазийский берег, корабль их проходил мимо берегов Мирликийских. Капитан корабля (грек) думал миновать Мирликийский берег, чтобы не останавливаться там, так как погода и ветер были благоприятны, а о Мирликии никто не знал из паломников. Только что корабль поравнялся с Мирликией, как вдруг подул сильный ветер с моря и корабль понесло к берегу. Принятые меры к сопротивлению не имели успеха и корабль загнало в залив. С большим трудом удалось корабль направить снова на путь. Но опять повторилось тоже. Капитан, желая поставить на своем, употребил все средства и сделал усиленное сопротивление; но как только выехали в море, то ветер вдруг сделал такой натиск, что едва успели бросить якорь, чтобы не допустить корабль до скалы, грозившей ему совершенной гибелью (Подлинный рассказ старца Илиодора и его спутника монаха Григория). Тогда капитан, указывая на берег, в азарте закричал паломникам: "Ступайте к нему (разумея Святителя Николая); это он наделал! Он вас русских любит". Сказав эти слова, капитан скрылся в каюте. Паломники не понимали, в чем дело, пока матросы не объяснили им, что здесь находится гроб Христова Святителя Николая. Высадившись на берег, они поспешили к месту гроба Святителя. Архимандрит Иоанникий, исполненный сугубой радости, изливал благодарные, сердечные чувства к своему покровителю Святителю Николаю за то, что он так чудесно дал ему возможность поклониться месту погребения святого. Придя в церковь и представ гробу Святителя, архимандрит Иоанникий возложил на себя епитрахиль и начал молебен. Певцы из числа паломников запели: "Царю небесный" и прочее, а он благоговейно положил земной поклон. В это время лампада, висевшая на высоте, недостижимой рукой человека, вылилась на него сама собой и потом опять стала в обычное свое положение, нисколько не качаясь. Это чудесное обстоятельство привело всех в удивление; все в один голос говорили: "Милость Святитель изливает на архимандрита". После молебна архимандрит Иоанникий пожелал удостовериться, не задел ли он лампы как-нибудь нечаянно. Он измерил рукой расстояние и не дотянулся до лампы.

Во время пребывания в Иерусалиме, архимандрит Иоанникий часто обходил места, освященные жизнью и страданиями нашего Спасителя. Гроб Господень, Голгофа, Страстный путь, Гефсимания, Елеон и прочие святые места были для него любезнейшими местами поклонения. Здесь со всей полнотой благоговейно любящего сердца изливался его молитвенный дух к Тому, Кто совершил великое дело нашего искупления, Кто пролил Пречистую Свою Кровь ради нашего спасения.

Когда были на благословении у патриарха, блаженнейший Кирилл обратил особенное внимание на архимандрита Иоанникия и вступил с ним в беседу. Между прочим он спрашивал его, соблюдают ли русские монахи келейное правило. Архимандрит ответил его блаженству, что в российских монастырях не одинаковы постановления. В некоторых монастырях исполняется келейное правило по назначению старцев, а в других предоставляется совершать келейные молитвы по своей воле каждому по возможности. Блаженнейший Кирилл сказал: "Монахи, не держащие келейного правила, мертвые монахи. Правило келейное есть возбудитель душевных сил, отрезвляющий ум для предстояния перед Богом; оно есть первый руководитель к непрестанной молитве и стена, ограждающая монаха от внутренних искушений. Вы, отец архимандрит, по возвращении в Россию и в свою обитель, постарайтесь повлиять на свою братию, чтобы они прилежнее обратили внимание на келейное правило".

На обратном пути из Палестины, архимандрит Иоанникий заехал на Святую Афонскую Гору, предполагая там остаться навсегда. Вступив на берег Святого Афона, он поклонился, взял земли и посыпал себе на голову, говоря: "Се покой мой: zde вселюся" (Пс. 131, 14). В короткое время между жителями Афона разнеслась о нем слава. А посему многие стали обращаться к нему за душеполезными советами, упрашивали его остаться там навсегда, желая вверить себя его руководству. Была уже назначена ему и келлия, которую монастырь уступал ему безвозмездно. На это он сначала соглашался, но через несколько времени объявил, что Господу не угодно, чтобы он оставался на Афоне, а противиться воле Божией он не намерен (Некоторые святые подвижники, воспламенившись ревностью, по своему желанию, устремились на совершенное уединение, но промыслительное Божественное устройство, готовящее их на иное служение, указывало таковым предначертанные им Божиим промыслом пути, почему предприятия у таковых оказались без выполнения. Это видим на преподобном Антонии Киево-Печерском, который удалился на Святую Гору Афонскую для жительства. Но Промысел Божий готовил его на службу в ином месте. Он, как видим, был послан в Россию. Подобное произошло и со старцем архимандритом Илиодором). С великой скорбью проводили его многие Афонские отцы и он возвратился в Россию в первых числах июля 1851 года. Так архимандрит Иоанникий, совершив свое путешествие с великой для себя душевной пользой, прибыл в Глинскую пустынь, где волей Божией назначено было ему продолжить свой подвиг служения Богу и людям.

Стремясь ревностно к высшему совершенству, архимандрит Иоанникий пожелал обновить перед Господом иноческие обеты пострижением во святой великий ангельский образ — святую схиму. Свидетельствуя о своем совершенном самоотвержении, он в 1857 году через посредство настоятеля с братией ходатайствовал перед епархиальным архиереем о разрешении такового пострига. Преосвященнейший Илиодор, бывший тогда на Курской кафедре, вероятно рассуждая о важности такового шага и испытывая его решимость, медлил дать разрешение и даже пытался своими советами отклонить его от такового желания. Поэтому в 1858 году пришлось повторить ходатайство. Владыка, убедившись в непреложной решимости архимандрита Иоанникия, благоволил удовлетворить его ходатайство. В том же 1858 году 24 декабря в навечерие праздника Христова Рождества он был облечен во святую схиму с наречением имени Илиодор. Восприемником при постриге он избрал своего духовника иеросхимонаха Амфилохия (Схиеромонах Амфилохий (в миру Андрей Скубырин) служил камердинером у князя Голицына. Проживая со своим господином долгое время в западных столицах — Берлине и Париже, он усвоил немецкий и французский языки и владел ими в совершенстве. Обладая природными способностями и жадой к познаниям, он занимался чтением западной литературы современных писателей; это было тогда принято в высших общественных кругах, но таковое чтение, которое не питает нашего бесстрастного духа, не могло удовлетворить душевной жажды Андрея, и он

СХИАРХИМАНДРИТ ИЛИОДОР (ГОЛОВАНИЦКИЙ)

начал искать удовлетворения в Священном Писании. Однажды князь застал его за чтением Псалтири и удивился, что молодой его камердинер занимается таким чтением. Князь рассказывал об этом другим: "Вот странно! Мой Андрей читает Псалтирь!". В Париже молодому Андрею представилась заманчивая карьера, когда живший там один русский капиталист предлагал ему вступить в брак с его дочерью, единственной наследницей богатства своего отца. Но он, чувствуя призвание к иноческой жизни, желая работать Богу в девственной чистоте, отверг такое предложение. Князь Голицын, видя своего любимого камердинера, стремящегося к богоугодной жизни, отпустил его на свободу, после чего он в 1818 г. поступил в Глинскую пустынь, имея от рождения 36 лет. При постриге в мантию начертано было имя ему Анатолий. Старец же схииерхимандрит Илиодор поступил ранее его, следовательно, по поступлении в монастырь они были как сверстники, как сотоварищи, оба они пели вместе на клиросе в Глинской пустыни. Анатолий, как старший по летам, ранее почувствовал старость, принял святую схиму и был наречен Амфилохием, и, будучи духовником старца Илиодора, избран был ему в восприимные старцы при постриге его в схиму. А что касается их практики духовного ведения, то они могли быть между собой спостниками и братскими советниками. Но старец Илиодор, смиряясь, подчинил себя своему духовному отцу и обращался к нему за советами с глубоким уважением до его кончины), который при многих других иноческих добродетелях, отличался богатством духовного ведения аскетической жизни и глубоким рассуждением.

По принятии святой схимы схииерхимандрит Илиодор, усугубляя свой подвиг, пробыл в церкви безвыходно семь дней; по его словам, он сидел при иконе Спасителя, наполняя сердце свое Божественными глаголами, подобно Марии, приседящей у ног Иисусовых; избрав "едино на потребу" (Лк. 10, 39, 42), он безмятежно погружался в созерцательную молитву, пребывая один с единым Иисусом, зря Господа своего внутри сердца своего. После обновления обетов схииерхимандрит Илиодор, отрешаясь от всего тварного, поставил перед мысленными своими очами час своего душевного отрешения от уз плотских и, как человек, которому уже предстоит "единою умереть" (Еф. 9, 27), написал в 1859 году 9 мая завещание следующего содержания:

"Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Я нижеподписавшийся архимандрит Иоанникий, в схиме Илиодор, жительствующий в Глинской Богородицкой пустыни на покое, по определению Божию находясь ныне в трудном болезненном состоянии и ожидая скорого окончания жизни своей, считаю долгом объяснить следующее: я с юных лет призванием Божиим вступил в монашество и милосердием Его до сего времени препроводил в оном жизнь мою; но как благоволением милосердного Господа был я настоятелем в других обителях и при увольнении на покой определением Святейшего Правительствующего Синода удостоен ежегодной пенсии, то дабы не было сомнения о моем состоянии, истинно объявляю, что ни капитала, ни вещей каких-либо, ни особой одежды, кроме обыкновенной, которую я изготовил на случай смерти, и в которой ходил, никакой другой у меня нет; книги, у меня бывшие, раздал братии обители сей. Исполняя сим долг мой, смиренно прошу отцов и братии обители этой не забывать меня грешного молитвенным поминовением по моем отшествии, да улучу милость Божию и оправдание души моей. Засим, принося сердечное благодарение за упокоение меня в этой обители, с чувством сокрушения и осуждения себя, прошу у всех прощения и сам с искренностью и благожеланием прощаю всех во всем, кто чем-либо согрешил против меня".

Завещанием своим старец Илиодор как бы заканчивал свое земное поприще, ожидая своего переселения в загробный мир. Вследствие всегашнего общения с Богом, он возвышался душевной чистотой до той степени, на которой открываются внутреннему зрению тайные деяния и даже помышления человеческого сердца. Здесь в подвижнике проявлялся дар прозорливости, по действию которого он прозревал греховные намерения человека, подпавшего внушению диавола искусителя, устрояющего такому падение, а посему, желая разрушать козни врага, старец Илиодор спешил благовременно подать ближнему руку помощи. Для примера приведем один искренний рассказ монаха, который со скорбью и слезами раскаяния рассказывал о себе следующее: "Однажды я как-то увлекся нечистыми помыслами; по неопытности в борьбе я не смог отразить их. Нечистые, но соблазнительные картины, рисовавшиеся в моем воображении, совсем отуманили мой ум. По вражескому

СХИИЕРХИМАНДРИТ ИЛИОДОР (ГОЛОВАНИЦКИЙ)

устроению мне пришлось встретиться с лицами, сочувствующими моему нечистому греховному похотению, и я вознамерился осуществить свой греховный помысл. Когда наступил вечер, я пошел за трапезный корпус, чтобы, обойдя его через сад мимо теплой церкви, пройти в гостиницу, где меня, быть может, ожидало падение. Войдя в сад, я стал подыматься вверх по тропинке к теплой церкви. Здесь я заметил, хотя и темно было, человека, идущего мне навстречу. Не желая быть замеченным, я уклонился в сторону направо и спрятался за деревом, осторожно наблюдая на проходящим. Вижу, что он остановился против меня и стал звать к себе: "Чадо, поди ко мне! Поди ко мне, чадо!" Я узнал голос старца Илиодора, но помолчал, полагая, что, быть может, он и не меня зовет. Наконец, он назвал меня по имени. Тогда скрываться было уже нельзя. Я подошел к нему и поклонился, чтобы принять благословение. Но он, взяв крепко меня за руку, стал спрашивать меня: "Куда ты, чадо, идешь, а? Скажи мне, чадо, куда ты идешь?" На мой ответ, что иду по делу, он сказал: "Чадо, скажи мне правду, я не начальник твой, меня нечего бояться. Ты говоришь "по делу", а дело-то ведь недоброе. Посмотри, вон кто понуждает тебя идти по этому делу, чтобы затем взять душу твою!" При этом он указал вниз к трапезному корпусу. Я взглянул туда, и моим глазам представилось странное зрелище: около каменного быка, поддерживающего корпус, я увидел диавола в безобразнейшем виде: черный, очи огненные, зубы выдающиеся из рта, внутренности снаружи и несколько прикрыты длинной бородой; весь он был в пламени. При виде такого гнусного страшилища, я затрепетал от ужаса; кровь как бы застыла во всех моих жилах, я не мог двинуться с места, не мог проговорить ни одного слова и стоял, как окаменелый. Помню только, что старец, держа меня за руку, повел с собой, говоря: "Пойдем, чадо! Пойдем ко мне!" Приведши в свою келлию, он посадил меня на стул, где я стал уже приходить в себя. Чтобы ободрить меня, он приказал мне ставить самовар и, сидя уже за чаем, убеждал и укреплял меня, чтобы я был на будущее время осторожнее, и продержал в своей келлии до утреннего благовеста".

В своем смиренномудрии старец Илиодор доходил до такой степени самоуничужения, что считал себя ниже всякой твари. Ревниво охраняя свое смиренномудрие, он во всю свою жизнь не позволил снять с себя портрет (Существующий ныне портрет старца Илиодора снят уже с него мертвого и разработан после знавшими его учениками). Место, где старец схиархимандрит Илиодор начал постройку пустынной келлии, находится в трех верстах на восток от монастыря. Оно тогда было окружено с трех сторон чащей деревьев строевого леса различных местных пород. Здесь же у подошвы небольшой возвышенности протекает река Обеста, которая устремляет свое течение с востока на запад, извиваясь зигзагами между порослей.

В конце лета 1863 года была окончена постройка пустынной келлии. Старец Илиодор, помолившись Божией Матери, приняв благословение от настоятеля, отправился в свою пустыньку, взяв с собой одного своего келейника, послушника Викентия. Просился к нему и другой рясофорный послушник М.Ж., но ему старец Илиодор отказал, говоря: "Ты, чадо, там жить не будешь"; тогда послушник этот обратился к посредству известного подвижника старца иеросхимонаха Макария, который упросил старца Илиодора взять его с собой как бы на испытание. Действительно, М.Ж. не прожил и двух месяцев в пустынной келлии со старцем, не вынес пустынного уединения и суровой жизни, и возвратился в монастырь, оправдывая сказанное старцем: "Ты, чадо, жить там не будешь".

С переселением в пустынную келлию, старец Илиодор усугубил свои подвиги, и образ его жизни сделался суровее: молитва, воздержание и удручение своего тела были непрерывными его подвигами. Относительно молитвословий церковных он держался обыкновенно следующего порядка: с вечера вместе с келейником он читал девятый час и вечерню; часов в 8 или в 9 вечера читал повечерие, канон Божией Матери и молитвы на сон грядущим.

Ночью он будил келейника или еще кого из братии, нередко бывавшей у него, на

утреню, а иногда вычитывал ее один, не желая утруждать других. Часов в 10 утра читались утренние молитвы, часы третий и шестой и обедница. Между всеми этими молитвословиями он исполнял и свое продолжительное келейное правило. Из каких молитвословий оно состояло, то осталось тайной...

В отношении пищи старец Илиодор держался строго скитского устава. В продолжение всех постов он ел без постного масла. В понедельник, среду и пяток — тоже. В разрешающие же дни он следовал церковному уставу, но не ради услаждения вкуса, а именно только ради того, чтобы последовать разрешению, предписанному Святой Церковью. Никаких отступлений от принятых правил он не допускал даже и во время тяжких болезней. Обычный порядок питания, какого он держался, был следующий: после обедницы часов в 11 или 12 он выпивал чашку чая, размачивая ржаные сухарики. Часам к двум — к трем келейник варил картофель или суп с картофелем, приправленный конопляным маслом, если это были дни разрешающие; рыба случалась очень редко. Часов в 6 или в 7 вечера он подкреплялся одной чашкой чая со ржаными сухарями. При этом старец часто укорял себя как бы за невоздержание; он говаривал: "Вот какие мы бедные пустычники! Едим три раза в день, а святые отцы как воздерживались! Ох, горе тебе, бедный Илиодор!" Случалось однако, по несколько дней ничего не варили, и тогда келейник ходил обедать в монастырь, а старец удовлетворялся одними сухарями. Что касается пищи молочной и яиц, то этого рода пищу старец употреблял в малом количестве лишь по субботам и воскресным дням, если она бывала, и в двенадесятые праздники, а также в дни, разрешающие эту пищу по церковному уставу — неделю пасхальную, неделю Святой Троицы, Рождественские святки, сплошную и мясляную, в остальное время он, со дня пострижения в святую схиму и до самой смерти, т.е. в продолжение более двадцати лет, не позволял себе употреблять молочной пищи и яиц.

По воскресным дням и в великие праздники он приходил в монастырь и присутствовал в церкви во время всенощного бдения и Божественной литургии. По окончании богослужения, он из храма приходил в свою монастырскую келлию, где подкреплял себя чашкой чая, а также пищей от братского трапезного стола и возвращался обыкновенно в свою пустынную келлию; но нередко оставался и в монастыре на день и более. В таких случаях братия спешили к нему, чтобы послушать от него назидательных речей и побеседовать с ним для своей душевной пользы.

Старец Илиодор был сам строгий хранитель сердечной чистоты, он к тому направлял и тех, которые обращались к нему для руководства. Посему некоторым молодым послушникам он не советовал читать до известного времени Библии (Библию, а не библейскую историю, которую он велел изучать). По поводу такового совета некоторые простейшие из братии, не понимая глубоких мыслей старца, делали свои заключения, что Библию читать грех, потому что ее старец не советует читать. Пишущий эти строки, желая рассеять недоумение простейших братии, в присутствии некоторых из них сказали старцу: "Батюшка! Вот вы некоторым не советуете читать Библию, а они из этого заключают, что Библию грех читать." — "А ты как это понимаешь?" — спросил старец. "Я понимаю, что на это у вас имеются другие причины." — "Да, чадо, так и есть", — сказал старец, — они не понимают, — вот и говорят. Можно ли допустить мысль, что эту святую великую книгу грех читать?! Я тебе, чадо, расскажу самую причину, почему я не советую молодым читать Библию, чтобы ты знал, да и другим рассказал. Не советую читать потому, что она им не принесет пользы: они не обучились еще духовной брани и не могут по немощи охранять свое сердце от прилогов, а страсти в них кипят. В Библии же много повествуется о некоторых плотских грехах, которые могут возбуждать воображение к страстным похотным пожеланиям и осквернять сердце, а это для действующего, стремящегося к сердечной чистоте, очень вредно. Вот вместо пользы, которую они могли бы получить от чтения, они получают вред. Видишь, чадо, почему я не советую читать Библию тем, кто не может еще поставить ум свой на страже. Враг наш диавол всяким случаем пользуется, чтобы забросить в наше сердце свои зловредные семена. А посему

СХИАРХИМАНДРИТ ИЛИОДОР (ГОЛОВАНИЦКИЙ)

молодым братьям полезнее читать те книги, которые разоблачают козни врага, разъясняют движение страстей, через которые он действует, и поучают духовной брани. Таковы книги святых отцов подвижников, которые исподволь прошли весь путь подвижничества и передали нам в своих писаниях для нашего назидания".

Монах И. спросил старца Илиодора: "Как поступать при встрече различных обстоятельств, чтобы не погрешить перед Богом"? Старец сказал ему: "Чадо, если ты желаешь, чтобы твои действия были не погрешительны, постарайся, чтобы они всегда были основаны на Священном Писании: на Евангельских истинах, на учении святых апостолов и на изречениях святых отцов подвижников. В этой святой сокровищнице ты найдешь основание на все, что тебе будет нужно, на всякий случай, на всю жизнь. Священное Писание старайся изучать тщательно и понимать правильно, чтобы не толковать его в пользу своих прихотей и от горделивого мнения показывать себя сведущим для применения к другим. Ты старайся все прилагать к себе. Например: если предстоит тебе какое предприятие, в котором иногда встретятся недоумения, ты тогда обратись к Священному Писанию и постарайся подыскать основание для предстоящего тебе дела, сообразно святому учению. Если так настроишься поступать, то действия твои будут не погрешительны. При всем сказанном нужно руководиться строгим рассуждением, без которого иногда в наши, по-видимому, добрые предприятия, по хитрости врага, вкрадываются тонкие погрешности. Отцы святые говорят, что рассуждение выше всех добродетелей; следовательно, должно стремиться к приобретению этой добродетели. Приобретается же она не иначе, как постоянным обращением с человеком, имеющим этот дар. Так некто спросил великого старца: "Авва! Как могу я приобрести дар рассуждения?" и получил такой ответ: "Иди и прилепись к такому человеку, имеющему рассуждение, от него и научишься рассуждению".

Изведав ощутительно великую пользу, происходящую от смирения, старец Илиодор всем подвизающимся советовал трудиться неустанно над укоренением в себе этой добродетели, неприступной для врага и охранительной для подвизающегося. Часто он говорил: "Отцы святые советуют для охранения себя от самомнения проходящему путь подвижничества, даже при богатстве рассуждения, покорять свою волю другому искусному, чтобы на себя не надеяться, а на молитвы другого и, смиряя себя, иметь сильное оружие против гордого врага. Если же не найдешь искусного и рассудительного руководителя, то покори себя хотя самому простому, незлобивому, но благоговейному, обращай к нему за благословением на всякое предприятие. Благоговей перед ним и призывай его молитвы в помощь, они для тебя спасительны. Одно то, что ты не будешь на себя надеяться, а на молитвы другого, будет защитой от врага, так как в этом есть смирение. Если же, — говорил он, — не окажется и простого старца благоговейного, тогда поищи благоговейного брата и поступай во всем так, как выше сказано о старце. Такой путь указывает преподобный Нил Сорский; он самый безопасный".

Монах один обратился к старцу с таким вопросом: "Батюшка! Меня страсти беспокоят, а я немощен, не могу противостоять им, что мне делать?" Старец сказал ему: "Чадо, сами собой мы ничего не можем сделать, нужна нам помощь Божия. Древние же подвижники говорят: страсти те же скорби, а о скорбях Господь сказал через пророка Давида: "Призови Мя в день скорби твоя и изму тя и прославиши Мя" (Пс. 49, 15). Видишь, чадо, нужно нам призывать Господа в помощь, а без Него мы не можем ничего сделать. Спаситель нам сказал: "Без Мене не можете творить ничесоже" (Ин. 15, 5). А что Господь не оставляет тех, которые взывают к нему о помощи, то об этом свидетельствует тот же пророк, говоря: "Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его в истине" (Пс. 144, 18).

А что страсти нас борют, от сего унывать не должно, это наша брань, против которой мы должны всегда быть готовы. Нужно только усиленно противиться их требованиям. А чтобы успешнее против них действовать, надо повнимательнее рассматривать, которая

сильнее в нас действует страсть, против этой одной следует и вооружиться всей крепостью.

Дар прозорливости старец Илиодор скрывал тщательно по своему смирению. Но как свет, если будет сокрыт в темном месте, то и в маленькую скважину показывает свое сияние, так и сей благодатный дар, обитавший в сокровищах чистой его души, в известных случаях для пользы других, являл свое действие, и явления сии так многочисленны, что их все собрать и предать писанию не удобно. Кому из внимательных приходилось бывать у старца, тому часто приходилось слышать ответы или замечания на его сокровенные помыслы, которые знал только один тот, в чьей душе они скрывались. Но если где требовалась необходимость для вразумления ближнего или спасения погибающего, там старец не скрывал благодати, обитающей в нем.

Однажды пришли в пустынную келлию к старцу Илиодору его почитатели, давно ему известные купцы, из города Белополья. Благословляя их, старец пристально посмотрел на одного Ф.В.Б. и спрашивает его, какого он вероисповедания? Сей последний, озадаченный таким вопросом, сказал: "Батюшка, разве вы меня первый раз видите? Вам даже известен наш весь род". — "Это-то так действительно, но есть ли на вас крест!" Тогда тот поклонился старцу, сознаваясь, что, по своему небрежению, уже года два не носит нательного креста. Старец сделал ему внушение, указав, что святой крест — это знамение спасения нашего, которое всякий верующий христианин должен иметь на себе всегда неотложно.

"Если считаешь себя достойным, то прикажи этому столбу, (он указал на столбик) путь перейдет на другое место. Если перейдет, тогда признавай себя достойным, а если не послушает, тогда признавай себя грешным". "Я ясно понимал, — говорил этот купец, — что старец говорил о том, что совершается в моей душе".

Сновидения и видения старца Илиодора

Старец Илиодор благоговел перед своим духовным наставником, игуменом Филаретом, зная его горячую любовь к Божией Матери, славы ради Которой он трудился неусыпно над благоустройством во имя Ее святой Глинской обители, где он воспитал многих своих учеников в духе истинного подвижничества. Он знал, каких трудов стоило игумену Филарету установить и утвердить устав строгого чиноположения в этой обители. Игумен Филарет сам трудился над писанием нот обиходного пения, которое теперь пленяет своей сладкозвучной мелодией. Сам старец Илиодор слышал от игумена Филарета, что сей последний говаривал: "Я дал обет Божией Матери установить этот устав в Глинской пустыни для всегдашнего строгого исполнения этого чиноположения моими будущими приемниками. Посему, если кто из них нарушит его, с таковым буду судиться на суде Божиим". Такая твердая уверенность сего дивного возобновителя Глинской пустыни, по всей вероятности, утверждалась на благодатных откровениях, которые, к прискорбию, скрыты от нас. Но старец Илиодор, как ученик игумена Филарета и личный свидетель его подвигов и скорбных трудов, знал, каких слез и кровавого пота стоило ему выполнять все то, что он сделал. А посему часто задавался мыслью, какие плоды принесли эти труды его и какое имеют значение в загробном мире таковые его подвиги? На таковое размышление он получил извещение в следующем сновидении. Вот подлинный его рассказ: "Увидел я, — говорил он, — какое-то очень приятное место в виде пространной зеленой поляны, на которой я стоял лицом к Востоку. Преду мной по зеленеющей равнине струился небольшой ручей прозрачной воды, а на противоположной стороне протекающего ручья красовался небольшой, но весьма изящной архитектуры храм. Перешагнув ручей, я направился к этой церкви, и, войдя внутрь, увидел здесь игумена Филарета, стоящего на клиросе с своим любимым учеником (Ученик этот был келейником старца игумена Филарета, много потрудившимся с ним в писании церковного нотного обихода. Имя сего ученика неизвестно). Он, пресладким голосом воспевая какую-то церковную песнь, славил Господа. Людей в этой церкви не было видно, но по всей церкви стояли рядами в чудном порядке большие подсвечники, на сих последних ярко горели большие свечи. Ему

СХИАРХИМАНДРИТ ИЛИОДОР (ГОЛОВАНИЦКИЙ)

(Илиодору) сказал какой-то голос: "Все эти горящие светильники зажигал старец игумен Филарет". Старец Илиодор толковал это сновидение так: малая, но красивая церковь, им виденная, — это немногочисленное тогда общество братства Глинской обители, которое под его личным руководством было прекрасно благонастроено в духовной жизни, а горящие светильники знаменуют учеников игумена Филарета, в душах которых он возжигал ревность духа в любви к Богу.

В 1865 году в Глинской пустыни было освящение вновь устроенного трехпрестольного собора. Вначале средний престол освятил сам преосвященный Сергей, епископ Курский (впоследствии митрополит Московский). На следующий день в правом приделе престол освящал архимандрит Ювеналий, бывший тогда благочинным монастырей. Посему ранняя литургия в этот день служилась на среднем, вновь освященном престоле. Старец Илиодор молился на ранней литургии, а так как в то время я ему прислуживал, то по окончании литургии поспешил в его келлию, чтобы приготовить самовар. Старец, придя из церкви, по обычаю благоговейно поклонился перед святыми иконами, снял мантию и сел на свое место. Смотря на старца, я заметил в лице его какое-то изменение. Прозрачная белизна на лице покрывалась чудным румянцем, а взор его был поразительно благоговейным. Видно было, что душа его была преисполнена неземным утешением. По своей тогда юности, я не понимал этого, а только удивлялся, недоумевая, почему старец казался так хорош? После краткого молчания, старец вздохнул от полноты чувств, затем сказал: "Какое великое благоволение Божией Матери к нам грешным!" Затем говорил мне: "Чадо, поди ближе ко мне, я тебе расскажу вот что: сегодня на Божественной литургии один старец видел дивное видение. Когда клиросные певцы вышли среди церкви петь "Тебе поем, Тебе благословим...", в это время с правого клироса показалась, идущая по солее, величественная благолепная жена, чудной несказанной красоты. Одежда на ней была такая дивная, что невозможно объяснить, поверху одежды мантия, застегнутая на груди; а на голове Ее митра, блестящая чудным отражением; на верху митры видна была маленькая возвышенность. "Вот этакая"! — при этих словах старец показал пальцами меру возвышенности не более как в 3/4 вершка, — "на верху возвышенности был маленький крестик. Она была окружена светом славы". Здесь старец прервал свой рассказ, положил свою руку на стол и склонился на нее челом, в молчании погружившись в созерцание виденного. Я стоял перед ним в ожидании, желая услышать рассказ еще подробнее. Через малый промежуток времени старец поднял голову. Я осмелился спросить: "Батюшка! Где же видели эту чудную жену?" — "А вот где, чадо, — продолжал он, — Она шла с правого клироса по солее и дойдя до середины перед царскими воротами, обратилась лицом к востоку, и стала невидима. Это, брат, была сама Царица Небесная. Она, милостивая, явила свое присутствие во вновь освященном храме Святого имени Ее, во свидетельство Своего благоволения к нам, грешным". Сказав это, старец опять склонился на руку челом и предался созерцанию. Видно было, что сердце его было переполнено небесным утешением, а в воображении стояло чудное видение, к созерцанию которого стремилось все душевное существо.

Старец Илиодор таковые события для сокрытия себя передавал как бы слышанные им от другого кого-либо. Но окружающие его хорошо понимали, что этот другой был ни кто иной, а он сам. Я, как сейчас хорошо помню, что в конце литургии я подошел к старцу взять у него ключ от его келлии. Старец стоял один, склонив голову, около него никого не было. Он подал мне ключ машинально и не взглянул на меня, вероятно потому, что ум его был прикован к виденному. Затем, не говоря ни с кем, он вышел из церкви прямо в свою келлию, где сейчас же рассказал мне это видение, и запретил тогда рассказывать другим об этом.

Весьма многое из благодатных откровений, которых удостоивался по милости Божией старец Илиодор, сокрыто от нас, по причине его глубокого смирения. Не всегда он был предрасположен открывать эти тайны, а только тогда, когда требовала сего польза ближнего, но и в таких случаях он часто рассказ свой относил, как уже было сказано, не к себе, а к

постороннему лицу. Но бывали нередко случаи, что старец говорил о своих благодатных откровениях явно и открыто, иногда рассказывал пространно, а иногда в кратких отрывочных выражениях, как видно, по действию внутреннего движения духа. А если беседа умножалась, то в таких случаях наблюдающий мог заметить, что ум его восхищался в созерцание, которое переносило его в духовную область к зрению виденного, а быть может, иного чего, для нас непостижимого. Здесь рассказ его пресекался, и речь обрывалась на половине или даже в самом начале повести. Следовало молчание. В такое время черты лица его показывали действие его внутреннего радостотворного ощущения. Это состояние понятно только для тех, которые по милости Божией сами того удостаиваются. В таких случаях никто из присутствующих его ближних учеников не осмеливался каким-либо вопросом нарушить его внутреннее безмолвие, пока он сам не заговорит; но заговорит уже не о том, на чем остановилась его речь, а о другом предмете. Так, однажды в его пустынной келлии поздно вечером в присутствии трех учеников, в числе которых был и я, старец Илиодор вел беседу о Софрониевских и Глинских подвижниках касательно благодатных откровений. При продолжении беседы, речь его начала замедляться; понятно, что ум его как бы переходил или соприкасался к зрению духовных предметов, но он еще владел собой, и когда сказал: "Да, я видел на небесах эти обе пустыни (Софрониеву и Глинскую) в великой славе", то на этих словах речь его пресеклась, он погрузился в созерцание; бестелесный ум восхитился туда, куда по благодати Божией ему было доступно по мере его чистоты. Сидя на своей коечке, он склонился к стенке и наклонил на грудь голову, пребывая как бы в забытии. Мы сидели и смотрели на него в молчании, опасаясь, чтобы движением своим не нарушить его освященного безмолвия. На лице его было видно изменение, являющееся в таких случаях. Старец через несколько времени, вздохнув от полноты чувств, начал говорить: "Простите меня, добрые мои братия, не полезно мне говорить о таких предметах, но любовь моя к вам вынуждает иногда сказать, для возбуждения вашего духа". Затем начал говорить о других предметах. Но из нас ни один не осмелился спросить его о подробностях, как ему было показано это видение. В это время и на близких его, присутствующих, действует какой-то благоговейный страх, связывающий свободное обращение.

Иеромонах Иосия передавал следующий рассказ. "По пострижении в мантию, я находился положенное время безвыходно в храме. Однажды ночью я вышел из церкви и увидел, что в окне келлии старца схиархимандрита Илиодора светился огонь. Он был в то время болен. Войдя к нему я увидел его лежащим на койке с воздетыми руками, очевидно он молился и, не обращая никуда внимания, он спросил: "Это ты, чадо?", называя меня по имени. Подойдя к нему, я поклонился, а он, благословляя меня, сказал: "Ах, чадо! Сейчас видел я умершего духовника, он задержан на мытарстве за то, что доносил настоятелю грехи братские, открываемые на исповеди" (Подлинный рассказ иеромонаха Иосии).

Вероятно сей духовник по причине малодушия не мог устоять перед вопросами любопытного настоятеля, за то и подвергся таковому несчастью. Святитель Димитрий Ростовский говорит о тайне исповеди: "Та тайна Божия запечатлена есть печатию самого Бога, яже есть Дух Святой, и никто же должен отрешити тоя печати, и во явление людем открыта... Аще бы кий властелин или суд гражданский повелел, и нудма принуждал иерея, да скажет, каковый грех духовного своего сына, и аще бы прещением и муками и смертью претил, и убеждал ко изъявлению греха чьего, то иерей должен есть умерети, паче и мученическим венцем венчаться, неже печать исповеди отрешити, и тайну Божию в явление предати, изъявляя грехи духовного сына своего... (за что) вечною от Бога смертью казнену быти за изъявление." (Святитель Димитрий Ростовский. Часть 1. С. 144).

В 1865 году проездом из Киева в Воронежскую епархию преосвященный Серафим, посетив Глинскую пустынь, пожелал побывать в пустынной келлии старца Илиодора.

Преосвященный Варлаам в шестидесятых годах проездом на Черниговскую епархию

тоже был в Глинской пустыни и посетил старца в пустынной келлии, а в 1875 году посетил его преосвященный Нафанаил епископ Черниговский.

Переселение из пустынной келлии в монастырь

Осенью 1874 года монах Геласий, прожив у старца в пустынной келлии несколько дней, собрался идти в монастырь, но старец, удерживая его, сказал: "Побудь, чадо, еще здесь немного со мною, я чувствую, что более здесь не буду жить". После этого, дня через три он сильно заболел, вследствие сего его перевезли в монастырь. Более он не возвращался в свою любимую пустыню (Старец Илиодор поселился в пустынной келлии в 1863 г., а оставил ее последний раз в 1874 г. Время переселения из пустыни записано игуменом Геласием).

Последнее время старец почти постоянно лежал и поднимался лишь с большим трудом и более с помощью других. Видимо он таял, как воск догорающей свечи, и жизнь его готова была скоро закатиться.

Старец Илиодор последний год жизни почти постоянно лежал от истощения сил. Часто он лежал на спине вверх лицом, в таком виде делал наставления слабеющим голосом и давал ответы вопрошавшим.

25 июня, в понедельник, старец Илиодор еще раз причастился Святых Тайн и мирно ожидал своего исхода. Он уже переставал от ослабления организма владеть языком, ему было тяжело говорить, но память у него сохранилась светлая. Если что надо было показать, он указывал это движением руки. По принятии Святых Тайн, он дал знак, чтобы ему поднесли крест с распятием, перед которым он молился многие годы. Осенив себя крестным знаменем, он приложился ко кресту и велел поставить на место. Все время старец был спокоен, таковое спокойствие видимо происходило от примирения совести, уверяющей в оправдании себя Божественной благодатью. Он ожидал своего исхода не как смертного, а как переселения в иной мир.

26-е старец провел спокойно в молитвенном погружении, а 27-го в среду у старца спросили, не желает ли он принять Таинство Елеосвящения и приобщиться Святых Тайн. С усилиями, едва слышно проговорил он: "Желаю очень". Игумен Иннокентий совершил Таинство Елеосвящения, вслед за тем в последний раз приобщили его Святых Тайн.

Остальное время дня и вечера старец провел весьма спокойно. Уже в полночь находившийся при нем его келейник, монах Анфим заметил, что дыхание его начинает замедляться; он позвал Корейского игумена Иоанникия, находившегося в соседней келлии, и монаха Геласия. Эти последние придя увидели старца, лежащего благообразно; дыхание его постепенно замедлялось и видимо приближался исход его души... Скоро последний тихий вздох возвестил, что земное поприще старца схиархимандрита Илиодора окончилось... Он мирно почил о Господе ровно в час по полуночи, с двадцать седьмого на двадцать восьмое число июня 1879 года, на восемьдесят четвертом году своей многострадальной жизни. Блаженную кончину старца возвестил братии звук большого колокола, по уставу Глинской пустыни, призывая вознести молитву за новопреставившегося (В Глинской пустыни существовал порядок такой. Лишь кто скончался из братии, сейчас дают знать настоятелю, а сей последний приказывает ударить три раза в большой колокол. Братия, услышав этот звук, кто чем ни был занят, оставляют дело и, став перед иконой, полагают двенадцать поклонов об упокоении души вновь преставившегося). Тело его было одето как подобает по чину иноческому. 30-го же июня, после поздней литургии, настоятель Глинской пустыни игумен Иоанникий с собором иеромонахов совершил священный обряд погребения. После обычного целования братии подняли гроб и на своих руках понесли его к месту погребения, где был приготовлен склеп; гроб при пении обычных тропарей: "Земле, зинувши, приими от тебе созданного рукой Божию", и прочее, был опущен в могильный склеп, и тело было предано земле.

Место погребения его находилось на левой стороне входа в теплую Успенскую церковь и было избрано как бы по промыслительному предуказанию так, что при расширении теплой церкви оказалось по плану входящим внутрь стен храма, где представилась возможность с разрешения местного архиерея устроить усыпальницу. В ней ныне (т.е. во время написания жития схиархимандрита Илиодора. — Прим. изд.) место погребения блаженно почившего старца, покрытое крышкой наподобие крышки гроба, обтянутой черным бархатом с позументом. Здесь любящие его служат панихиды об упокоении его души в небесных селениях. А верующие в его оправдание и дерзновение перед Богом получают духовную помощь в своих нуждах.

На месте же его пустынных подвигов, где была его пустынная келлейка, ныне существует благоустроенный скит. Здесь иночествующая братия повседневно совершает богослужение, где непрестанно приносится бескровная умиловительная жертва о мире всего мира, и об упокоении души того, кто некогда в своей земной жизни место это оросил своими слезами, освятил своими подвигами, восходя в созерцательной молитве до Богообщения; и ныне бессмертный дух его, здесь совокупно с поющими, возносит хвалебное славословие Богу, в Троице славимому.

Цитируется по книге:

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. М., «Самшит», 1997 г.